Э(47)XVI
О-11

О ЗЛОДЕЯНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ОГИЗ
Госполитиздат
1944

ПРОВЕРКА

Выключено
По методике

145650

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ИХ СООБЩНИКОВ

9(47)хVI
О-11

О ЗЛОДЕЯНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

(Сборник документов)

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Гарнизонных Курсов
Инв. № 145650
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1944

OB

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чрезвычайной Государственной Комиссией раскрыты чудовищные преступления финских палачей над советскими людьми на освобождённой от финско-фашистских захватчиков советской территории.

Финские лакеи Гитлера мечтали превратить Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику в свою колонию, а её жителей — в рабов.

Они говорили, что ведут войну, «обособленную» от Германии, что они «освобождают» Карелию от «ига русских». «Обособленность» войны финских фашистов против Советского Союза уже давно разоблачена перед всем миром. «Наставление» так называемого «Восточно-Карельского просветительного отдела» Финского штаба, найденное при захвате в июне 1944 г. штаба 13-го финского берегового артиллерийского полка, как нельзя лучше подтверждает, что финская фашистская клика Рюти — Линкомиесс—Таннер—Маннергейм полностью связала свою судьбу и судьбу своей страны с гитлеровской Германией. «Мы в достаточной мере помогли Германии в её восточных делах, и по мере дальнейшего усиления помощи она будет вознаграждать нас», — говорится в «наставлении».

В том же «наставлении» финны откровенно говорят о своих империалистических вожделениях, которые толкнули их на преступную авантюру против Советского Союза.

«...Если в Финляндии,—говорится в этом документе, — теперь недостаёт строительного леса, то богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их

в капитал... Преимущественно в Восточной Карелии лес старый, созрелый, в то время, как в Финляндии он молодой, мало пригодный, как строительный материал. К тому же вывоз леса из Восточной Карелии при наличии такого большого количества рек и озёр стоит малых затрат. Экономическая же выгода от этого очень велика... Только залежи апатита в Восточной Карелии составляют не менее 2,3 миллиона тонн. Если бы Финляндии достались богатые залежи апатита Кольского полуострова, то мы могли бы даже вывозить их на мировой рынок... Если бы мы имели Баренцово и Белое моря, мы сумели бы в несколько раз поднять нашу рыбную промышленность... После войны наша рыбная промышленность не только обеспечила бы потребности нашей страны рыбой, но могла бы вывозить значительное количество рыбы в другие страны...»

Оккупировав Карелию, финские захватчики вывезли в Финляндию 174 тысячи вагонов карельского леса, оборудование Онежского металлургического завода и других промышленных предприятий, гидростанций, сельскохозяйственный инвентарь и скот из колхозов, книги из библиотек.

Во время оккупации Карелии финско-фашистские погромщики расхищали на советской территории государственную собственность и личное имущество граждан, варварски уничтожали и разрушали советские города и сёла, промышленность и сельское хозяйство, больницы, музеи, театры, жилые дома. Они превращали мирных жителей в рабов, пытали, расстреливали, зверски истязали стариков, женщин и детей, добивали раненых офицеров и бойцов Красной Армии на поле боя, истребляли в лагерях советских военнопленных. Насаждая «финскую культуру», они вываривали черепа убитых красноармейцев, для того чтобы изготовить из них себе пепельницы или послать в подарок невесте.

Они мечтали разрушить Ленинград. Майор медицинской службы Карл Иоганн Иогансон, окончивший университет в Хельсинки, при допросе сообщил:

«Ленинград для финнов, как бельмо на глазу, он—постоянная угроза нашим владениям на Карельском перешейке и в Карелии, поэтому естественно, что первый удар в начале этой войны мы направили против этого города».

Финско-фашистские заправилы установили систему порабощения и истребления советского населения Карело-Финской ССР. Они объявили мирных жителей советских сёл и городов «гражданскими пленными», загнали их в концентрационные лагери, изнуряли на каторжных рабо-

тах, подвергали издевательствам, пыткам, морили голодом. В одном Петрозаводске финны организовали шесть таких лагерей, и в них томилось около 25 тыс. жителей: женщин, стариков, детей и даже грудных детей!

Документы, приведённые в настоящем сборнике, показывают, что в своей звериной ненависти к советскому народу финско-фашистские негодяи не знают предела кровавого изуверства. Они добивают после боя раненых советских офицеров и бойцов, предварительно подвергая их истязаниям: жгут на огне, ломают ноги, руки, вырезают звёзды на теле, выкалывают глаза.

В лагерях для советских военнопленных финны истребляли заключённых голодом, пытками, расстрелами. Об этом рассказали освобождённые Красной Армией узники этих лагерей, об этом свидетельствуют произведённые Чрезвычайной Государственной Комиссией раскопки траншей-могил при лагерях, где похоронены замученные военнопленные, об этом откровенно показывают при допросах пленные финны.

Заместитель начальника лагеря № 17 для советских военнопленных палач Пелконен заявил на допросе: «В лице русской национальности я видел исконных врагов моей страны. С таким мнением я пошёл воевать против русских...» Финское командование по заслугам оценило способности Пелконена и назначило его одним из заправил лагеря для советских военнопленных. Подвизаясь на этом поприще, он истязал советских бойцов. «Я считал советских военнопленных за ничтожество, — показывает Пелконен, — ощущал своё превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу». Финские фашисты, так же как и гитлеровцы, считают себя «высшей расой», для них человекоубийство, истязания и пытки беспомощных, безоружных женщин и детей, грабёж и варварское разрушение являются руководящей моралью.

Ещё не все злодеяния финско-фашистских захватчиков раскрыты Чрезвычайной Государственной Комиссией, ещё не все финские злодеи разоблачены, но и то, что установлено, те документы, которые имеются в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии и которые частично помещены в настоящем сборнике, раскрывают перед всем миром чудовищные преступления финско-фашистских палачей.

Чрезвычайная Государственная Комиссия ведёт суровый счёт всем злодеяниям гитлеровцев и их сателлитов, в

частности фашистского правительства Финляндии и всех финско-фашистских убийц и бандитов, и этот суровый счёт будет полностью предъявлен преступникам. От карающей руки советского народа никуда не скроются финско-фашистские преступники! Они ответят за все злодеяния, совершённые ими на советской земле!

СООБЩЕНИЕ
Чрезвычайной Государственной Комиссии

по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

О ЗЛОДЕЯНИЯХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

На временно оккупированной территории Карело-Финской ССР правительство и верховное военное командование Финляндии, осуществляя свои империалистические планы, стремились поработить советских людей, уничтожить культуру народа и превратить Карело-Финскую ССР в колонию. В наставлении так называемого «Восточно-Карельского просветительного отдела» Финского штаба, захваченном Красной Армией при разгроме штаба 13-го берегового артиллерийского полка в июне 1944 года, указывается воинским частям на необходимость осуществления захвата территории Карело-Финской ССР и других областей Советского Союза. В нём говорится: «...Если в Финляндии теперь недостаёт строительного леса, то богатые леса Восточной Карелии ждут превращения их в капитал... Преимущественно в Восточной Карелии лес старый, созрелый, в то время, как в Финляндии он молодой, мало пригодный, как строительный материал. К тому же вывоз леса из Восточной Карелии при наличии такого большого количества рек и озёр стоит малых затрат. Экономическая же выгода от этого очень велика».

Финское правительство с беспримерной наглостью объявило всё советское население на захваченной территории пленным и заключило мужчин, женщин, стариков и детей в специально созданные концентрационные лагери, создав в них режим голода, истязаний и непосильного изнурительного труда с целью преднамеренного истребления советских людей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета Союза ССР, генерал-майора Куприянова Г. Н., председателя Совнаркома Карело-Финской ССР Прокконен П. С., полковника Никитина Д. Н., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Макарова В. Н. и судебно-медицинских экспертов расследовала и установила факты беспримерных злодеяний, совершённых финско-фашистскими оккупантами на временно захваченной ими территории Карело-Финской ССР.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДОВ И СЁЛ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Город Петрозаводск, основанный в 1703 году Петром Первым на западном берегу Онежского озера, за годы советской власти стал крупным центром промышленности и культуры Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Финско-фашистские захватчики за время оккупации, и особенно перед отступлением, подвергли столицу Карело-Финской ССР огню, грабежу и разрушениям.

В непримиримой ненависти к советской культуре финны сожгли и разграбили в Петрозаводске университет, научно-исследовательский Институт культуры, Публичную библиотеку, Государственную филармонию, Дворец пионеров, театр, музыкальное училище, 2 педагогических училища, индустриальный техникум, 5 школ, 9 детских садов, кинотеатр, физиотерапевтическую лечебницу, психоневрологический диспансер, разграбили государственный музей, взорвали и сожгли все мосты и свыше 485 жилых домов, в том числе дом, где жил знаменитый поэт XVIII века Г. Р. Державин, варварски разрушили памятники В. И. Ленину и С. М. Кирову.

Они полностью уничтожили промышленность города, разрушили железнодорожный узел, сооружения и флот Беломорско-Онежского государственного пароходства, все предприятия связи. Перед уходом из Петрозаводска финны взорвали, сожгли и разрушили 7 электростанций, 3 плотины, фидерную подстанцию, трансформаторные киоски, вывезли в Финляндию ценное электрооборудование.

Финские захватчики взорвали и уничтожили электростанцию, плотину, жилой фонд, подсобные предприятия старейшего Онежского металлургического и машиностроительного завода, хозяйство которого создавалось на

протяжении столетий и особенно за годы советской власти. При этом захватчики вывезли из завода в Финляндию оборудование всех 20 цехов завода.

Финны разрушили в Петрозаводске крупнейшую в Советском Союзе лыжную фабрику, выпускавшую до войны в год свыше 500 тысяч лыж первоклассного качества, сожгли лесопильные заводы, уничтожили холодильник, типографию, ликёро-водочный и пивоваренный заводы, хлебозаводы, взорвали надводные сооружения и цехи судостроительного завода.

В оккупированных районах Карело-Финской ССР фашистские захватчики уничтожили все механизированные предприятия и сооружения лесозаготовок и лесосплава: сожгли 4 лесопильных завода и мебельную фабрику, Кондопожский целлюлозный завод, взорвали водосброс на Кондопожской Государственной Электростанции, электростанцию в Медвежьегорске, Повенецкий судоремонтный и Кондопожский пегматитовый заводы и много других предприятий. Крупнейшие разрушения финские оккупанты причинили сооружениям Беломорско-Балтийского канала имени Сталина: взорвали 7 шлюзовых ворот, аварийные ворота, эстакадные стенки камер шлюзов, плотины, дамбы, водоспуски, бетонные устои. Такие же разрушения финские погромщики произвели во всех городах и большинстве сёл Карело-Финской ССР.

ФИНСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ ПЫТАЛИСЬ ПРЕВРАТИТЬ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В СВОИХ РАБОВ

Сразу же после вторжения в Карело-Финскую ССР фашистские захватчики объявили советских людей пленными и заключили их в специальные концентрационные лагери.

В городе Петрозаводске было организовано шесть таких лагерей, в которых содержалось до 25 тысяч человек — женщин, детей и стариков. Концентрационные лагери для мирных граждан были организованы также в Медвежьегорске, близ города Олонец, в совхозе Ильинском и в других местах Карело-Финской ССР. Во всех лагерях финнами был установлен для заключённых жесточайший режим издевательств, изнурительных непосильных работ, пыток и насилий.

Территория лагерей была обнесена высоким забором и колючей проволокой. С 7 часов утра «пленников», не-

считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, под конвоем выгоняли на тяжёлые изнурительные работы. «Пленным» советским гражданам в лагерях в качестве питания выдавали в день 100—200 граммов недоброкачественного хлеба и нерегулярно—по 200 граммов мороженого картофеля или гнилую колбасу из конского мяса. Охрана лагеря, которую возглавлял полковник Рольф Шильд, истязала поголовно всех советских людей, заключённых в лагери. Финские рабовладельцы избивали заключённых за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленницы, за недостаточную почтительность к чинам охраны, били и истязали без всяких поводов. Одной из мер наказания было также лишение пайка на двое — трое суток и заключение в карцер.

«Пленных» мирных советских людей финские палачи подвергали невероятным истязаниям и пыткам. Один из жителей Петрозаводска, давший свои показания Следственной комиссии, Новиков Б. И. был очевидцем того, как в лагере № 2 финны отобрали 30 человек, как якобы военнопленных. Их увезли на улицу Льва Толстого, где подвергли мучительным истязаниям. «Пленным» жгли пятки калёным железом, били резиновыми палками, затем 15 человек из них расстреляли. Остальные 15 человек через 25 суток были возвращены в лагерь № 2. Пленный финский солдат 1-й роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса Вилхо Кургила показал: «Когда мы вошли осенью 1941 года в город Петрозаводск, то населения там не нашли: всё оно разбежалось по окрестным лесам. Финские власти издали приказ, которым предлагали населению под угрозой расстрела немедленно вернуться в город. Были созданы отряды для поимки населения и обратного его возвращения в Петрозаводск. Население таким образом собрали и загнали в лагери. Один лагерь был создан в Куковке, другой — в местечке под названием «Дорога в Соломенчуги», 3-й находился за радиомачтой. Всех — и старых, и молодых под конвоем гоняли на тяжёлые работы. На людей было страшно смотреть — до того у них был несчастный и забитый вид. Очень многие не выдерживали и умирали. В то время, когда жители находились в лагерях, мы, финские солдаты, очень хорошо пожили как в самом Петрозаводске, так и в окрестных деревнях. В домах оставалось всё имущество местного населения и много продуктов. Всё это добро было объявлено безнадзорным, и, разумеется, мы не зевали, брали всё, что нам казалось подходящим. Мно-

го добра мы отправили родственникам в Финляндию. Особенно отличались в этих делах солдаты 3-й роты нашего батальона, да и другие не отставали от них».

Финны истязали в лагерях не только взрослых, но и детей, которые также считались «пленными». Пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне показал: «В первых числах июня 1944 года я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпьё. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на всё смотрели безразличными глазами».

«Пленных» детей финские рабовладельцы наравне со взрослыми заставляли выполнять непосильную работу. Финский солдат Ахо Суло Иоганнес из 2-го отдельного батальона береговой обороны был очевидцем, как «в течение лета 1943 года было согнано свыше 200 человек, главным образом, подростков из ближайших деревень на строительство дороги в районе Толбуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат, как заключённые».

В сентябре месяце 1943 года 10-летний мальчик Зуев Лёня, содержавшийся в лагере № 2, хотел перелезть через проволочный забор. Финский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Лёня свалился, финн выстрелил в него вторично. Израненный Зуев с трудом дополз до зоны лагеря. Свидетельница Лахина Е. В., содержавшаяся в лагере № 5, сообщила Комиссии о жутких жилищно-бытовых условиях заключённых, находившихся в лагерях: «В помещениях в 15—20 метров проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было. Воду брали из канавы, в которой валялись человеческие трупы. Мыла совершенно не выдавали. Среди «пленных» наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий—цынги, дизентерии, сыпного тифа».

В результате голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбища по 2—3 раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. Очевидец Коломенский Алексей Прокофьевич, находившийся в 5-м петрозаводском лагере с 1 декабря 1941 года по 28 июня

1944 года, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5 километрах от города Петрозаводска. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждую неделю. По моим записям в мае 1942 года умерло 170 человек, в июне — 171, в июле—164, в августе—152. Всего с мая по 31 декабря 1942 года умерло в нашем лагере 1.014 человек. В начале 1942 года в этом лагере было около 7,5 тысячи человек, а к моменту освобождения нас Красной Армией оставалось четыре с половиной тысячи».

В Комиссию поступило письмо бывших заключённых в петрозаводских концлагерях, в котором они пишут: «Почти 3 года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооружённым конвоем. Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность. Особенно зверствовали в лагере № 2 комендант лейтенант Салаваара, а также комендант лагеря Вилки Лакоонен... Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодёжи и женщин, созданы были лагери специального назначения: в Кутижме, Вилге, Киндосове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления лёгких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колыхмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял сыпнотифозных на мороз». Под этим письмом подписалось 146 советских граждан — бывших заключённых в петрозаводских концентрационных лагерях.

О нечеловеческой жестокости финских негодяев в отношении к советским мирным гражданам, заключённым в концентрационные лагери, свидетельствует такой далеко не единичный факт. В руки Комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который в этом письме писал буквально следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»

В результате каторжного режима, болезней, пыток и расстрелов в петрозаводских лагерях истреблено свыше 7.000 советских граждан.

Комиссия под председательством депутата Верховного

Совета СССР Дильденкина, председателя Петрозаводского городского совета Степанова, профессора Петрозаводского университета Базанова, с участием судебно-медицинских экспертов — главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, майора медицинской службы Петропавловского, главного патолога Карельского фронта, подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариэль и других, осмотрев петрозаводское кладбище «Пески», обнаружила 39 групповых могил и установила, что во всех этих могилах захоронено не менее 7.000 трупов. Судебно-медицинской экспертизой эксгумированных трупов установлено, что причиной смерти большинства погребённых являлось истощение. У части трупов имеются сквозные повреждения черепа огнестрельным оружием.

ФИНСКИЕ ПАЛАЧИ ИСТЯЗАЮТ И ИСТРЕБЛЯЮТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТЬЮ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Фашистское командование в сентябре 1941 года организовало в городе Олонце Карело-Финской ССР пересыльный лагерь № 17, в котором содержались бойцы и младшие командиры Красной Армии, попавшие в плен на Свирском участке фронта. Территория лагеря была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой до 2 метров. Все здания лагеря также были изолированы друг от друга колючей проволокой. Количество содержавшихся в лагере военнопленных колебалось всё время от 600 до 1.000 человек единовременно. Комендант лагеря лейтенант Сойнинен Тойво в пьяном виде приходил в бараки и лично избивал военнопленных, а также приказывал избивать их своим подчинённым. Заместители коменданта Ингман и Салмело, следователь лагеря лейтенант Шепалис и военный чиновник Шмидт систематически, без всякого повода, жестоко избивали советских военнопленных палками и плетьми.

Советских военнопленных, которые, по мнению финско-фашистских палачей, плохо работали, ставили с вытянутыми руками на высокий пень и заставляли стоять в таком положении от 30 минут до полутора часов. В зимнее время такие пытки над военнопленными приводили к обморажива́нию конечностей и тяжёлым заболеваниям. Администрация и охрана лагеря не только пытали, истязали и морили голодом советских военнопленных, но и

расстреливали их за малейшую «провинность». Бывший советский военнопленный Белан Т. показал, что один из финских солдат-охранников очередью из ручного пулемёта застрелил военнопленного за то, что тот близко подошёл к проволочному заграждению. За это убийство комендант лагеря Алапиес присвоил убийце звание капрала. Летом 1943 года военнопленный Быков, как показал свидетель Феклистов М. Е., по дороге с работы стал собирать грибы и отстал от группы. Комендант Сойнинен и охранник Хервонен, встретив Быкова по дороге возвращавшимся в лагерь, застрелили его из пистолетов.

При занятии Олонецкого района Красной Армией в госпитале Олонецкого лагеря военнопленных была найдена регистрационная книга больных военнопленных, которая даёт яркую картину истребления финнами советских военнопленных. По записям книги значится, что только за первые 6 месяцев 1942 года из общего числа зарегистрированных 1.888 больных в госпитале умерло от общей слабости, истощения и отёчности 588 человек. Трупы умерших и замученных военнопленных закапывались в общей траншее, вырытой специально для этого в 100 метрах от лагеря.

Судебно-медицинская экспертная комиссия произвела эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных на кладбище возле Олонецкого лагеря № 17. При судебно-медицинском исследовании трупов установлено, что подкожная жировая клетчатка, а также клетчатка внутренних органов истощена или полностью отсутствует, что свидетельствует о резком истощении, развившемся вследствие длительного голодания. У части трупов обнаружены следы огнестрельных ранений головы и грудной клетки.

На основании исследований трупов, показаний свидетелей установлено, что финско-фашистские палачи морили голодом советских военнопленных, применяли к ним пытки и истязания, а также расстрелы.

ФИНСКО-ФАШИСТСКИЕ ПАЛАЧИ УБИВАЮТ РАНЕНЫХ ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Финско-фашистские мерзавцы добивают попавших в плен раненых советских офицеров и бойцов. Ниже приводится часть имеющихся в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии документов и показаний свидетелей, доказывающих беспримерные факты злодеяний бе-

ло́финнов над советскими бойцами и командирами Красной Армии:

«**Акт.** Мы, нижеподписавшиеся, военврач 3-го ранга Голынский, военврач 3-го ранга Педарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарёв, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав трупы зверски замученных белофинскими бандитами бойцов Красной Армии, констатируем следующее: 1) На трупе краснофлотца Кулешова: обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута в колене и тазобедренном суставе. 2) На трупе краснофлотца Зива: обожжены кожные покровы лица, усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтёк, на левом виске имеется ранение, нанесённое холодным оружием. 3) На трупе красноармейца Кривулина: в области правой сонной артерии рана холодным оружием — вскрыта сонная артерия, перелом ключицы, ряд ранений на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, повреждён глаз. 4) На трупе красноармейца Баранова: в области грудной клетки свыше 6 штыковых ран, на обеих пятках крестообразные ранения, нанесённые холодным оружием».

28 июня 1944 года во время боя за деревню Пуско-Сельга финны прорвались к месту, где были сосредоточены более 70 раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Фашистские изверги учинили чудовищную расправу над советскими ранеными, добивая их очередями из автоматов и ударами штыков, ножей и прикладов. От этой зверской расправы, притворившись мёртвыми, случайно уцелели 3 человека: сержант Марков И. С. и бойцы Криворучко И. И. и Крючков В. В.

«Когда перестрелка прекратилась, — рассказал сержант Марков,—финские солдаты и офицеры стали обшаривать наших убитых и раненых. В нескольких метрах от меня лежал раненый в ногу сержант Щучка. 4 финна подошли к нему, сорвали с гимнастёрки гвардейский значок и расстреляли. Другая группа финнов исколола штыками и изрубила ножами раненого младшего лейтенанта Баранова. Кругом слышались стоны убиваемых. Некоторые раненые пытались спастись, отползая в сторону, но финские солдаты и офицеры настигали их и зверски расправлялись».

11 и 12 июля 1944 года майор медицинской службы, профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук М. Е. Браул произвёл вскрытие трупов зверски за-

мученных финнами офицеров и бойцов Красной Армии в районе озера Котоярви. В результате вскрытия трупов установлено, что раненые были убиты после боя финскими солдатами и офицерами, из них: одиночными выстрелами и автоматными очередями убито 34 человека, раздроблены кости черепа тяжёлым тупым орудием у 1 человека, выстрелами, с одновременным раздроблением тупым орудием черепа, убито 6 человек.

Сознательное истребление раненых бойцов и командиров Красной Армии финскими воинскими частями подтверждается многочисленными показаниями финских военнопленных. Солдат Хейсканен Юхо из 3-й пехотной бригады показал: «В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца. Один из наших солдат взял автомат и застрелил его на месте». Солдат финской армии Вяйне Неваранта из 21 отдельного батальона сообщил: «Наш батальон повёл наступление севернее Медвежьегорск. Во время этого боя попало к нам в плен около 100 красноармейцев. Их повели в тыл. Лейтенант Ниеми оставил раненых красноармейцев при себе, заявив, что их привезут после на подводах. Когда остальные пленные достаточно удалились от этого места, Ниеми стал из револьвера пристреливать раненых красноармейцев. Лично он застрелил 8 человек, остальных велел прикончить одному из автоматчиков. Очевидцами этого были все солдаты нашего взвода».

Аналогичные показания дал Комиссии связной начальника тыла 27 пехотного полка 18 дивизии солдат Ниеми Леопольд: «Я знаю много случаев, когда финские солдаты и офицеры расстреливали русских военнопленных. В марте 1942 года при занятии острова Гогланд нами было захвачено в плен более 30 русских моряков. Я видел, как солдаты нашего 1 батальона расстреляли около дороги 3-х из них, а после допроса были расстреляны и остальные. Офицеры говорили, что русские матросы—это самые заядлые большевики и их нельзя оставлять в живых. Операцией по захвату острова руководил генерал-майор Пояри».

Секретной инструкцией штаба 7-й финской пехотной дивизии за № 511 частям финской армии предписано самое откровенное мародёрство: «При всех обстоятельствах, как только позволяет обстановка, надо снимать с убитых солдат противника всё обмундирование и снаряжение. В случае надобности к этой работе можно привле-

кать военнопленных. (Основание: телеграфное распоряжение штаба финской карельской армии)».

Захваченный в плен Красной Армией бывший заместитель начальника Олонецкого лагеря военнопленных № 17 Пелконен на допросе показал: «Я полностью разделял проводимую финнами фашистскую пропаганду. В лице русской национальности я видел исконных врагов моей страны. С таким мнением я пошёл воевать против русских. В лагере для советских военнопленных № 17 администрация лагеря, в частности мой начальник лейтенант Сойнинен говорил, что русские, даже находясь в плену, продолжают оставаться для финнов врагами и не поддаются воспитанию, а способны соблюдать лагерный режим только после физических мер воздействия. На основании этого я считал советских военнопленных за ничтожество, ощущал своё превосходство над ними и, пользуясь их беспомощностью, при всяком удобном случае вымещал на них злобу»...

ФИНСКИХ ПАЛАЧЕЙ К СУРОВОМУ ОТВЕТУ!

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновными за все злодеяния, совершённые финско-фашистскими захватчиками на территории Карело-Финской ССР, являются, наряду с финским правительством и командованием армии, следующие лица: начальник Управления Восточной Карелией подполковник Котеляйнен, начальник штаба Управления Восточной Карелией генерал-майор Арраюры, командир 8-й дивизии финской армии генерал-майор Полоярви, командир 4-го финского пехотного полка 8-й дивизии полковник Вистора, генерал-майор Пояри, полковник Рольф Шильд, военный комендант города Петрозаводска капитан Лаурикайнен, заместитель коменданта лейтенант Эломоа, коменданты концентрационных лагерей города Петрозаводска: Вилки Лакоонен, лейтенант Салаваара, майор Куурема, лейтенант Каллио, лейтенант Толонен Пентти, лейтенант Нуотто Юсси, Эррикайнен, Кангас, заместители комендантов лагерей: Ингман, Айрола и Сеппеля, начальник канцелярии лагеря Сарайоки, коменданты Олонецкого лагеря № 17 лейтенант Алапиес, лейтенант Сойнинен, Тойво, заместители коменданта лагеря Салмело, Пелконен, следователи: лейтенант Шепалис, военный чиновник Шмидт, переводчики Карпеляйнен и Пистиляйнен, начальник Кондосовской

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
145650

тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники Ковала и Сихвонен, комендант Киндосовского лагеря сержант Вихула, заместитель коменданта лагеря № 2 сержант Линдхольм Вейкко, сержанты: Аллагонен Пенти, Сивонен, Эмиль, Юллилуомма Мати, Вуори Арво, Касимяки Тюкио, Ламбер Вейкко, охранник Хервонен, капрал Инкель Койвосала, охранник Юллиманола Эдверд, лейтенант Ниеми.

Все они должны предстать перед судом советского народа и понести суровую кару за совершённые злодеяния.

I

ФИНСКИЕ ПОГРОМЩИКИ РАЗРУШАЛИ НА ВРЕМЕННО ЗАХВАЧЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА И СЁЛА, ГРАБИЛИ МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

ВАРВАРСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ ФИННАМИ Г. ПЕТРОЗАВОДСКА

Город Петрозаводск — столицу Карело-Финской Советской Социалистической Республики — финско-фашистские громилы за время оккупации и перед своим отступлением предали огню, разрушениям и разграблению. Они превратили в развалины заводы, фабрики, сожгли и разрушили университет, школы, больницы, детские сады, жилые дома, памятники.

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, заместитель председателя Госплана Карело-Финской ССР Данилов Иван Алексеевич, представитель Петрозаводского горсовета депутатов трудящихся Завьялов Константин Константинович, представитель воинской части, полевая почта 48767, подполковник Чубук Иван Фёдорович, составили настоящий акт 2 июля 1944 г.

Нами осмотрен Онежский машиностроительный завод в г. Петрозаводске, причём обнаружено следующее:

Завод, построенный в 1774 г., реконструированный в годы сталинских пятилеток по последнему слову техники, крупнейшее промышленное предприятие Карело-Финской ССР общесоюзного значения, имевший до двадцати цехов, полностью разрушен финскими фашистскими оккупационными властями. Все цеха уничтожены, оборудование, механизмы, конструкции вывезены в Финляндию. Электростанция и плотина взорваны финнами при их бегстве из города.

Жилому фонду Онежского завода нанесён огромный ущерб — сожжено до 50% заводских жилых построек. Имущество домов разграблено до основания. В чём и подписываемся.

(Подписи.)

А К Т

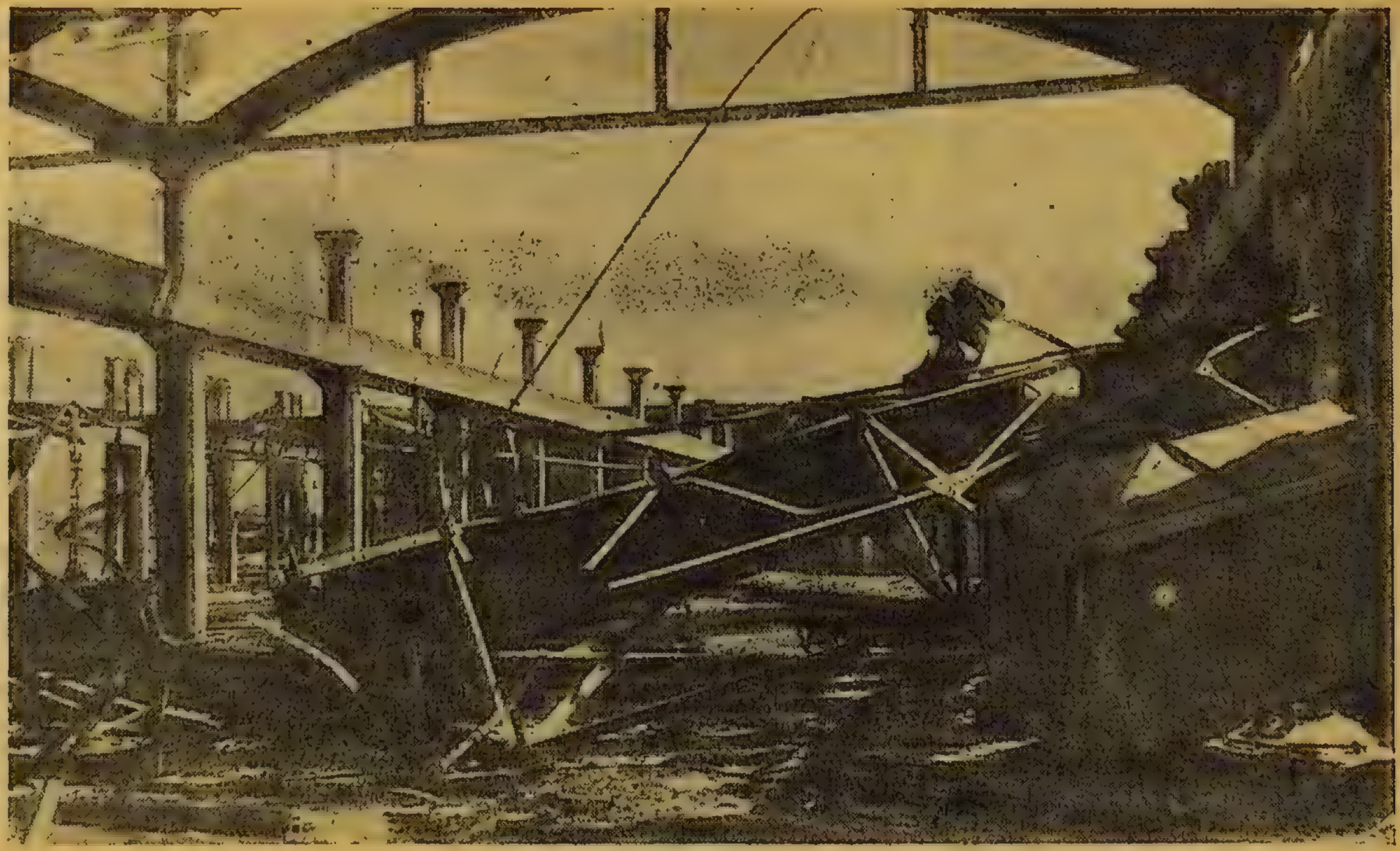
7 июля 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся, Королёв Вячеслав Константинович — зам. народного комиссара лесной промышленности Карело-Финской ССР, Лаврентьев Степан Петрович — начальник центральной бухгалтерии Наркомлеса Карело-Финской ССР, Юшкевич Александра Фёдоровна — начальник административно-хозяйственного отдела Наркомлеса Карело-Финской ССР, составили настоящий акт об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Народному комиссариату лесной промышленности Карело-Финской ССР и его предприятиям и объединениям, находящимся в г. Петрозаводске и посёлке Соломенном:

1. Петрозаводская лыжная фабрика полностью разрушена.
2. Жилой фонд Петрозаводской лыжной фабрики, состоящий из деревянных домов, разрушен на 50%.
3. Соломенский 6-рамный лесопильный завод полностью разрушен.
4. Склады сырья и готовой продукции Соломенского лесопильного завода уничтожены и расхищены полностью.
5. Жилой фонд Соломенского лесопильного завода, состоящий из деревянных домов, разрушен на 50%.
6. Жилой фонд треста «Южкареллес», находящийся в г. Петрозаводске, разрушен на 25%.
7. Жилой фонд треста «Карелдрев» разрушен на 80%.
8. Инвентарь и оборудование, находившиеся в жилых домах, полностью расхищены.
9. Материальные склады треста «Южкареллес» уничтожены полностью вместе с находившимися в них техническими материалами.

(Подписи.)

А К Т

1944 г. июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: начальника управления полиграфической промышленности при СНК КФССР Яковлевой Г. Ф.,



Разрушенный финскими захватчиками Онежский металлургический и машиностроительный завод в г. Петрозаводске

технического директора типографии имени Анохина Евсеева П. И., главного бухгалтера Тегозерской типографии Кириковой М. А., рабочей-печатницы типографии имени Анохина Акимовой К. и наборщицы Тегозерской типографии Павловой М. П., составили настоящий акт в том, что по прибытии в г. Петрозаводск после освобождения города от немецко-финских захватчиков нами выявлен следующий ущерб, причинённый немецко-финскими захватчиками полиграфической промышленности:

До начала военных действий типография имени Анохина в г. Петрозаводске имела: 1) основное здание типографии площадью 15 390 *м*², 2) здание цинкографии площадью 2 006 *м*², 3) здание детсада и столовой площадью 1 710 *м*², 4) проходную контору — 48 *м*², 5) склад для бумаги — 750 *м*², 6) бензохранилище, 7) жилой дом по улице Куйбышева.

Типография имела следующее полиграфическое оборудование: ротационных машин 2, плоско-печатных машин 4, линотипов 5, фальцевальную машину 1, американок 5, резальных машин 2, прессов позолотных 2, прессов обжимных 3, беговку 1, перфировку 1, проволокошвеек 2 и др.; шрифта 20 160 *кг*, автомашин 3, кроме того, много вспомогательных материалов, топлива, запасных частей и хозинвентаря.

Все вышеперечисленные здания, оборудование, шрифт, транспорт, хозинвентарь, материалы сожжены и разграблены немецко-финскими захватчиками.

(Подписи.)

А К Т

1944 г. июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе зам. председателя президиума Промсовета Чехонина А. В., зам. председателя Промстрахсоюза Шуньгиной А. И. и бухгалтера Максимовой М. составили настоящий акт о том, что после освобождения Красной Армией г. Петрозаводска от финских захватчиков нами произведён учёт наличия и состояния производственного и жилого фонда, принадлежащего системе Промсовета Карело-Финской ССР.

По предварительным данным оказалось:

1. По швейной промышленности. Уничтожены полностью одна швейная мастерская, две мастерские по химической чистке одежды; одно помещение швейной мастерской разрушено и требует капитального

ремонта и одно здание швейной мастерской переоборудовано в гараж и как помещение мастерской не может быть использовано.

2. По кожеобувной промышленности. Уничтожены полностью две сапожные мастерские (с количеством работающих до 200 человек), кожевенный завод с годовой производственной программой до 500 тыс. *дм* кожевенных материалов.

3. По кузнечно-металлической промышленности. Уничтожены полностью здание кузницы, здание мастерской по изготовлению и бытовому ремонту металлической посуды, здание мастерской по изготовлению и ремонту летнего обоза, здание склада и здание конторы.

4. По пищевой промышленности. Уничтожены полностью с оборудованием два здания пекарни, одно здание по выработке фруктовых вод — с выпуском продукции до 10 тыс. *л* в сутки.

(Подписи.)

АКТ

Город Петрозаводск, Карело-Финской ССР. 1944 г., июля 7 дня. Мы, нижеподписавшиеся, начальник Петрозаводского районного энергетического управления ГЭУ при Совнаркоме КФССР Спиров М. Д., главный бухгалтер Харламова А. Н., старший электромонтёр Соловьёв К. А., электромонтёр Антикайнен Т. В., слесарь Лысков К. Н.— составили настоящий акт о разрушении финско-фашистскими захватчиками энергетического хозяйства г. Петрозаводска.

Энергетическое хозяйство г. Петрозаводска до момента временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками состояло из: 3 гидроэлектростанций, 1 дизельной электростанции, 2 паротурбинных электростанций, 2 электромеханических мастерских, 2 энерголабораторий, 2 биржевых механизированных складов, электросетевого хозяйства, состоящего из 2 фидерных подстанций, высоковольтных и низковольтных электролиний и трансформаторных киосков, с установленными силовыми понижающими трансформаторами, складскими сооружениями, гаражами и т. д.

Гидроэлектростанция № 1 взорвана и сожжена. Всё оборудование уничтожено и может быть частично использовано как металлический лом. Металлическая водонапорная труба изрешечена осколками и пулями, регулирующее щитовое устройство водосбрасывающего ка-

нала взорвано; 3 каркасных склада и красный уголок сожжены, насосная полностью демонтирована, насос и электромотор вывезены.

Гидроэлектростанция № 2 разрушена финнами. В двух местах взорваны плотина и водосброс, генератор и возбудитель выведены совершенно из строя, пусковое и регулирующее устройство не имеет электроизмерительных приборов, рубильников и ошиновки. Восстановление электростанции требует больших капиталовложений.

Гидростанция, расположенная на территории Онегзавода. У гидротурбин сняты и взорваны подшипники. Два генератора общей мощностью в 450 *квт* с возбудителями взорваны и выведены из строя, 2 силовых трансформатора общей мощностью в 600 *квт* выведены из строя. Электроизмерительные приборы главного распредустройства частично сняты и вывезены, а оставшиеся перебиты. Гидросооружение выведено из строя. Железобетонная приёмная часть водонапорной трубы взорвана и требует капитального восстановления. Взорвано сооружение щитового регулирующего перекрытия на водосбрасывающем канале и т. д.

Дизельная электростанция. Один дизель мощностью в 100 *квт*, с генератором той же мощности, демонтирован и вывезен, один дизель в 100 *квт* находится в полуразобранном состоянии и нет отдельных ответственных частей. Генератор в 100 *квт* вывезен. Дизель 200 HP находится в нерабочем состоянии и требует восстановительного ремонта, генератор в 150 *квт* вывезен. Распредустройство полностью демонтировано и вывезено, электромоторы вывезены. Оборудование насосной полностью демонтировано и вывезено, воздушная линия полностью демонтирована. Станция выведена из строя, требует больших капиталовложений и нового оборудования.

Электростанция № 5. Всё оборудование и сооружения взорваны и уничтожены огнём.

Соломенская ГЭС № 1 взорвана и уничтожена огнём, часть оборудования демонтирована и вывезена, часть приведена в полную негодность. Восстановление электростанции требует больших капиталовложений, оборудования, материалов, рабочей силы и времени.

Фидерная подстанция взорвана и уничтожена огнём. Бо́льшая часть оборудования и аппаратуры демонтирована и вывезена, оставшееся уничтожено, восстановлению не подлежит. Требуется новое строительство и монтаж.

Электросиловое хозяйство города во время оккупации на 50% демонтировано. Как оборудование, так и материалы вывезены. Сетевое хозяйство требует капитального восстановления, 17 трансформаторов взорваны и простреляны.

(Подписи.)

АКТ

1944 г., июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся: комиссия в составе начальника 2-го отделения движения Михайлова Н. М., начальника жилищного отдела Кировской железной дороги Климова И. И., начальника 2-го паровозного отделения Дмитриева А. И., начальника службы пути Харитонова С. Ф., зам. начальника ОРС-2 Бирюкова, прокурора 2-го участка Иванченко, представителя Петрозаводского горсовета Зимовой, составили настоящий акт о разрушениях, причинённых финско-фашистскими захватчиками железнодорожному узлу станции Петрозаводск.

По службе движения. Станционное здание от воздушной волны разрушено на 50%; в пассажирском здании полностью выбиты стёкла, поломаны оконные переплёты, нарушена внутренняя штукатурка; на станционных путях подорвано семь стрелочных переводов, два пути, деревянный перрон и металлический переходный мост.

По паровозной службе. Полностью разрушены: цех промывки паровозов на три стойла (6 паровозов) с пристроенной к нему автоматной мастерской; цех подъёмки и два стойла (2 паровоза) и 2 стойла прилегающего к нему верхнего депо с одной стороны и с другой, часть цеха металлического, помещение колёснотокарного станка, котельная с 2 паровыми котлами. Полуразрушены цех электросварки и карбидная. Поворотный круг взорван и в эксплоатацию непригоден.

Электросиловое хозяйство. Взорваны: котельная с 2 котлами, дизельная, машинное отделение, градерная для охлаждения конденсата отработанного пара; трансформаторная будка в депо разрушена.

Водоснабжение. Водокачка — каменное здание на двойное оборудование взорвано. Вертикальный котёл Шухова $H = 35\ м^2$ подорван, насос Варетингтона, производительностью $P = 110\ м^3/час$, разрушен полностью, горизонтальный котёл $H = 100\ м^2$ требует капитального ремонта со сменой всего комплекта труб. Водонапорные переключения в шахте, здания с арматурой разрушены. Каменное водоёмное здание на 2 бака на 250 $м^3$ разрушено полностью.

По службе пути. Взорван мост через реку Неглинку, уничтожено здание общежития путейских рабочих, повреждены дистанционные мастерские, помещение конторы дистанции пути, два путейских здания. Оборудование дистанционных мастерских уничтожено.

По связи. Уничтожена частично линия местной связи, выкопано и вывезено 4 *км* кабеля, разоборудованы зарядно-разрядные щиты, уничтожено 60% аккумуляторов; устройства сигнализации приведены в негодность.

По вагонному хозяйству полностью уничтожено кирпичное здание вагонного депо.

(Подписи.)

АКТ

1944 г., июля 6 дня. Составлен настоящий акт Главным инженером Управления Уполнаркомсвязи при СНК КФССР Андреевым Л. Я., начальником инспекторской группы Управления Уполнаркомсвязи Юшковым Ф. А., начальником Петрозаводской конторы связи Линник В. А. о нижеследующем:

Белофинские банды, ворвавшиеся в октябре 1941 г. в столицу Карело-Финской Республики г. Петрозаводск и хозяйничавшие в городе до 28 июня 1944 г., произвели в городе громадные разрушения. Особенно сильным разрушениям подверглись сооружения связи.

Белофинны взорвали трёхэтажное каменное здание дома связи, в котором размещались главный почтамт, центральный телеграф, ручная и автоматическая телефонные станции, междугородняя станция и радиокомитет. Взорвали радиостанцию мощностью 10 *квт*. Сожгли гараж связи на 10 машин, здание детского сада, двухэтажное здание Управления связи. Разобрали на кирпич двухэтажное здание склада Управления связи. Сожгли 10 жилых домов работников связи площадью 5 100 $м^2$. Взорвали все телефонные распределительные шкафы, колодцы и коробки. Повредили и вывели из строя 50% телефонной подземной канализации. Сняли и увезли телефонный кабель, кабельные ящики. Значительное число кабелей перерублено и приведено в негодность. Более 70% всей городской телефонной воздушной сети разрушено.

Разрушения носят характер тщательно продуманного и разработанного плана по полному уничтожению средств связи в городе.

(Подписи.)

Сожжённое финнами здание Государственного Карело-Финского университета в г. Петрозаводске

А К Т

1 июля 1944 г., г. Петрозаводск КФССР. Мы, нижеподписавшиеся, зам. начальника Беломорско-Онежского пароходства Миронов Леонид Николаевич, начальник пристани Петрозаводск Кутузов Михаил Филиппович, механик связи пароходства Беляев Николай Сергеевич произвели предварительное расследование ущерба, нанесённого немецко-финскими захватчиками Беломорско-Онежскому пароходству, причём установили следующее.

Всё хозяйство пароходства и пристани Петрозаводска уничтожены немецко-финскими захватчиками, за исключением одного жилого дома по улице Урицкого, который был превращён в тюрьму для белофинских солдат и вследствие этого приведён в антисанитарное состояние и требует капитального ремонта.

Уничтожены совершенно: двухэтажное здание Беломорско-Онежского пароходства, двухэтажное здание управления пристани, пассажирский вокзал, пассажирский и грузовой причалы, один жилой дом и два общежития грузчиков, один большой склад и все служебно-вспомогательные помещения.

Взорваны и потоплены 21 самоходное судно, сожжены и разломаны 10 судов несамоходного флота.

(Подписи.)

А К Т

1944 г., 5 июля. Мы, нижеподписавшиеся, член коллегии Наркомпроса КФССР Харлоев П. А., кандидат филологических наук профессор Карело-Финского государственного университета Базанов В. Г., заведующий хозяйством госуниверситета Русанов И. И. и учительница 2-й средней школы г. Петрозаводска, бывшая студентка Карело-Финского госуниверситета Менкина С. Н., составили настоящий акт о нижеследующем:

За время оккупации г. Петрозаводска финскими фашистскими властями нанесён серьёзный ущерб культурным учреждениям столицы Карело-Финской республики. Прекрасное четырёхэтажное каменное здание Государственного университета — гордость Карело-Финской республики, — полностью разрушено (проспект Ленина, 89). Здание было построено в 1936 г.; последние годы в Госуниверситете обучалось более двух тысяч студентов.

Финско-фашистские варвары сожгли и разграбили Государственную публичную библиотеку в г. Петрозаводске

Госуниверситет имел факультеты: историко-филологический, физико-математический, химико-биологический и геолого-географический. Университет проводил большую научную работу на территории Карело-Финской республики.

При университете работал Учительский институт, была широко организована система заочного образования.

С оккупацией города прибыли в Петрозаводск из Гельсингфорсского университета доктор богословских наук Рейнвал, доктор богословских наук Б. И. Совэ и научный сотрудник Нилло Коуторо, которые собрали литературу с оккупированной территории Карело-Финской республики в здание университета, отобрали лучшие произведения художественной и научной литературы и увезли в Финляндию; остатки литературы свалили в сырые подвалы, разбросали её, топтали и тем самым привели в негодность. Когда вся ценная литература и богатое учебное оборудование были вывезены в Финляндию, 10 декабря 1942 г. этими, с позволения сказать, «представителями западноевропейской культуры» университет был подожжён.

Явными поджигателями университета были Рейнвал, Б. И. Совэ и Нилло Коуторо, которые являются ответственными за разрушение и уничтожение культурных ценностей г. Петрозаводска. Остатки стен здания университета были разобраны, и кирпич вывезен частью в Финляндию и значительной частью на строительство оборонительных сооружений по реке Свири.

Финские погромщики полностью разрушили научно-исследовательский Институт культуры и Государственную публичную библиотеку (угол проспекта Карла Маркса и Пушкинской улицы) с количеством более двухсот тысяч томов книг, уничтожили многочисленные записи от сказителей народа Карело-Финской республики. Разграблен музей, отдельные экспонаты его валяются в различных частях города в поломанном виде.

Полностью сожжён Дом-музей крупнейшего поэта XVIII века Г. Р. Державина, сожжены 2 здания дошкольного педагогического училища, разграблено всё оборудование школьного педагогического училища, крупнейшего в республике, и многих техникумов города Петрозаводска — кооперативного, лесного, железнодорожного, индустриального и др.

Разграблено оборудование большинства школ и 32 детских садов. Полностью сожжены и разрушены 3-я неполная средняя, 8-я, 11-я специальные, 15-я начальная

Музейные ценности, упакованные финскими грабителями для отправки в Финляндию

и 9-я средняя школы. Финско-фашистские варвары нанесли огромный ущерб культурным учреждениям г. Петрозаводска; они не только грабили и уничтожали культурные ценности, но и издевались над культурным наследием карело-финского народа.

(Подписи.)

А К Т

1944 г. 5 июня, Петрозаводск. Мы, нижеподписавшиеся, оперативная группа Управления по делам искусств при СНК КФССР в составе Уманского А. Д. (уполномоченного) и членов: Ростовской Г. И., Мазуровской М. А., Кофьян Ц. Н., Ланкинен Т. И., Цветковой Х. В. и Агапова В. М. составили настоящий акт о следующем:

Белофинскими захватчиками совершенно разрушены следующие здания:

1. Здание Государственной филармонии по улице Карла Маркса, дом № 15, здание трёхэтажное, кирпичное, имевшее кубатуру до 30 тыс. $м^3$, со всем театральным и сценическим оборудованием, в том числе 9 музыкальных инструментов (рояли и пианино), новая трёхпостная киноаппаратура.

2. Здание Государственного финского театра по Онежской набережной, двухэтажное, объёмом до 5 200 $м^3$, со всем театральным и сценическим оборудованием.

3. Помещение музыкального училища по улице Карла Маркса, со всем учебным оборудованием, в том числе 18 музыкальных инструментов (пианино, рояли).

4. Помещение общежития музыкального училища по улице Луначарского со всем инвентарём, приспособленным для общежития.

(Подписи.)

А К Т

1944 г., 6 июля. Мы, нижеподписавшиеся, начальник УСО Республиканского комитета по делам физкультуры и спорта при СНК КФССР Булыгин С. В., ответственный секретарь совета ДСО «Динамо» Урюпин А. А. и председатель городского Комитета физкультуры и спорта Ковчинская А. К., составили настоящий акт о следующем:

Разрушенный финнами Дворец пионеров в г. Петрозаводске

Финско-фашистскими захватчиками за время оккупации уничтожены: Дом республиканского комитета по делам физкультуры и спорта при СНК КФССР; водная станция ДСО «Динамо» с гребным, парусным и моторным флотом; два магазина «Динамо»; два гимнастических зала; стадион ДСО «Локомотив»; склад ДСО «Динамо» с инвентарём.

(Подписи.)

А К Т

1944 г., 4 июля. Мы, нижеподписавшиеся, заведующий Петрозаводским горздравотделом Цаль Наум Давыдович, главный врач хирургической лечебницы Баранов Василий Александрович, государственный санитарный инспектор Кухмала Анна Георгиевна, составили настоящий акт о том, что после освобождения города Петрозаводска от финских захватчиков установлены следующие разрушения финнами лечебно-санитарных учреждений, служебных и жилых домов Петрозаводского горздравотдела:

Разрушены полностью: физио-терапевтическая лечебница на 45 коек и физио-терапевтическая амбулатория с пропускной способностью 200 человек в день; механизированная прачечная на 2 тыс. *кг* белья в сутки; Психоневрологический диспансер; санитарный пропускник с пропускной способностью 1 тыс. человек в сутки; пароформалиновая дезинфекционная камера на 100 комплектов; автогараж на 4 машины.

Уничтожены здание центральной аптеки и два здания главного аптекоуправления; разрушены ясли на 170 коек.

Отделение городской больницы на 50 коек превращено в сапожную мастерскую, отделение городской больницы на 60 коек превращено в общежитие.

Разрушено здание Наркомата здравоохранения в 14 комнат, а также склад и гараж Наркомздрава на 2 машины.

(Подписи.)

Разрушенные здания школы, Гостиного двора и больницы в г. Петрозаводске

ФИНЫ УНИЧТОЖИЛИ СВИРСКУЮ ГЭС, РАЗРУШИЛИ Г. ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

А К Т

1944 г., июля 6 дня. Мы, нижеподписавшиеся, председатель районной комиссии по установлению и расследованию фашистских злодеяний в Лодейнопольском районе, депутат городского совета депутатов трудящихся — Михайлов Николай Семёнович и члены комиссии: зам. председателя Лодейнопольского райсовета депутатов трудящихся Никифоров Пётр Арсентьевич, начальник строительства № 1 треста «Свирьстрой» инженер Левшин Серафим Борисович, учительница средней школы г. Лодейное Поле Вешкельская Мария Михайловна, представитель воинской части Карельского фронта подполковник Беляев Михаил Михайлович, депутат Лодейнопольского городского совета начальник железнодорожной станции Лодейное Поле Иванов, депутат Лодейнопольского районного совета зав. районным отделом здравоохранения Мошников Сергей Степанович, составили настоящий акт о злодеяниях и разрушениях, учинённых финскими захватчиками на территории Лодейнопольского района и в городе Лодейное Поле.

Город Лодейное Поле, основанный при Петре Великом на реке Свири, в числе русских городов имел большое значение как хозяйственный пункт, расположенный на судоходной реке, по которой сплавлялись лесные богатства нашего севера в глубь страны.

В период существования советской власти Лодейнопольский район и город Лодейное Поле были превращены в важнейший хозяйственно-политический центр нашей страны. Такое положение района в системе народного хозяйства обусловилось созданием в Лодейнопольском районе мощнейшей гидроэлектростанции — Свирской ГЭС № 9, питавшей электроэнергией Ленинград и его окрестности, и наличием в г. Лодейное Поле механизированного речного порта и железнодорожной станции, обеспечивающих продвижение огромного количества грузов по реке Свири и по Мурманской железной дороге.

В Лодейнопольском районе и районном центре имелось шесть крупных промышленных предприятий: Свирская ГЭС № 9, завод автоприцепов, двухрамный лесозавод имени Второй пятилетки, деревообделочный завод «Пищетара», кирпичный завод, крупные вагоно-ремонтные и паровозо-

ремонтные мастерские и развитое производство промысловой кооперации.

С приходом на часть территории Лодейнопольского района финских оккупантов и подходом их вплотную к г. Лодейное Поле, т. е. с 7 сентября 1941 г., по день освобождения района от оккупантов, хозяйство Лодейнопольского района и имущество мирных жителей города и деревень подвергались систематическому уничтожению и разрушению бомбардировками с воздуха и постоянными артиллерийскими обстрелами.

I. Свирская ГЭС № 9 — крупнейшее предприятие всесоюзного значения. Свирская ГЭС представляла собою одну из мощных в Союзе электростанций, дававшую 100 тыс. *квт* электроэнергии.

Вокруг станции были созданы подсобные крупные предприятия, механические мастерские, лесозавод и путевое железнодорожное хозяйство. Посёлок ГЭС являлся благоустроенным городом с населением до 15 тыс. человек.

В результате пребывания на Свирской ГЭС финских грабителей электростанция была приведена в полную негодность. Цветущий городок ГЭС со всем его хозяйством полностью уничтожен.

Финны, частично эксплоатировавшие электростанцию в период оккупации, перед своим отходом разгромили и разграбили ГЭС и увезли в Финляндию ценнейшее оборудование и даже металлические дверные ручки и паркетные полы.

Финнами взорвано всё эксплоатационное хозяйство шлюза с будками управления. Разрушены верхние и нижние механические ворота весом в 570 *т* и поворотный круг железнодорожного моста; электромоторы сняты и увезены.

Гидросооружения приведены в негодность взрывом 6 мостовых ферм плотины, металлических щитов, глубоких отверстий средней шахты, плотины и повреждением секторного щита.

Внутренние помещения ГЭС взорваны. В здании видны следы пожара и разрушений от взрыва. Механическое оборудование, в том числе 4 импортные турбины по 27 тыс. *л. с.* и 2 малых турбины по 2,5 тыс. *л. с.*, взорвано и сожжено вместе с вспомогательным и сложным оборудованием. В подстанциях и главном корпусе финнами разграблено и увезено всё электрическое оборудование вплоть до осветительной сети и кабелей, зарытых в своё время в землю.

II. Завод автоприцепов Наркомата среднего машиностроения, выпускавший на 30 млн. руб. продукции в год, был построен в 1938 г. Завод, имевший до 80 зданий и сооружений, полностью уничтожен артиллерийскими обстрелами и авиабомбардировками.

III. Кирпичный завод, выпускавший продукцию на 3 млн. руб., полностью уничтожен.

IV. Двухрамный лесопильный завод имени Второй пятилетки, оборудованный быстроходными рамами, распиливавший ежедневно до 500 $м^3$ леса, уничтожен полностью.

V. Деревообделочный завод «Пищетара» уничтожен полностью.

VI. Паровозоремонтные и вагоноремонтные мастерские, обеспечивавшие ремонт подвижного состава Кировской железной дороги, значительно повреждены: сожжено 2 производственных помещения вагонных мастерских; паровозоремонтная мастерская имеет множество пробоин от попаданий артснарядов.

Из предприятий промысловой кооперации полностью уничтожены мебельная фабрика, портновская, трикотажная мастерские.

Город Лодейное Поле имел механизированную речную пристань на реке Свирь и железнодорожную станцию на Кировской железной дороге (Ленинград — Мурманск).

В результате обстрелов и бомбардировок пристань со всем её хозяйством, зданиями, сооружениями и флотом в количестве 32 единиц полностью уничтожена.

Железнодорожная станция имеет значительные повреждения: уничтожены здание самой станции, помещения материальных и топливных складов, помещения службы пути, тяги и пункты осмотра, 2 водонапорные башни. Значительно повреждены все остальные службы и мастерские, а также подъездные и станционные пути железнодорожного узла.

В городе и районе было 35 школ, из них начальных школ 25, неполных средних школ — 6, средних 3 школы и 1 ремесленное училище. Полностью уничтожены финнами 12 школ и повреждены 2 школы. Средних учебных заведений — техникумов — было 4, из них полностью уничтожен обстрелами педагогический техникум, повреждены здания механического техникума и железнодорожного училища. Клубов, театров было 5 — из них полностью уничтожено 4 театра. На селе уничтожены имевшиеся до войны 5 клубов.

Финнами уничтожены 6 больниц, в том числе районная больница имени Калинина на 200 коек, оборудованная всей лечебной аппаратурой, 3 амбулатории, 2 родильных дома и 6 фельдшерских участков.

В г. Лодейное Поле, посёлке Свирь-3 и сельской местности района было 2 364 жилых домов городского типа и 1 885 домов в сёлах и деревнях. В результате частичной оккупации и обстрелов неоккупированной части района полностью уничтожен посёлок Свирь-3, где из 1 410 домов осталось лишь 4 полуразрушенных деревянных здания и корпус каменного строения; в Кондушском сельсовете полностью сожжены деревни: Назарьевская, Заручей, Пустошь. Селения Горского, Лахтинского и Пиркинского сельсоветов полностью уничтожены. В сельской местности Лодейнопольского района из 1 885 домов уничтожено 1 084, т. е. 57,5% всех жилых домов. В г. Лодейное Поле уничтожено 467 зданий, т. е. 49% жилых домов.

Коммунальное хозяйство города, баннопрачечный комбинат, кузнечно-слесарные и деревообделочные мастерские и 2 *км* электросети с трансформаторной подстанцией в 32 тыс. *квт* и с 64 трансформаторными будками уничтожены полностью.

Комиссия считает виновниками разрушений и злодеяний, чинившихся в Лодейнопольском районе, верховное командование финской армии.

За разрушение и ограбление Свирской ГЭС № 9 ответственными являются следующие командиры частей, захвативших и занимавших посёлок Свирь-3 и площадку гидростанции: командир 5-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса генерал-майор Таппала, командир 2-го пехотного полка 5-й дивизии полковник Шнельман, командир 1-го батальона 2-го пехотного полка майор Кяянянен, командир 2-го батальона 2-го пехотного полка майор Корри, командир 3-го батальона 2-го пехотного полка майор Мякинен.

За разрушения г. Лодейное Поле и его окрестностей ответственными являются: командир 23-го полка 5-й пехотной дивизии полковник Шрове, командир 2-го батальона 23-го полка подполковник Сорри.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершённые против советского народа.

(Подписи.)

РАЗРУШЕНИЕ Г. МЕДВЕЖЬЕГОРСКА

АКТ

7 июля 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся члены комиссии в составе: председателя комиссии — председателя Медвежьегорского городского совета депутатов трудящихся — Гришина Фёдора Ивановича, — членов комиссии: Ястребова Андрея Яковлевича, учительницы Ивановой Антонины Николаевны, врача Жилкиной Параскозьи Георгиевны, представителя Кировской железной дороги Бугачёва Владимира Степановича, представителей командования Красной Армии: майора Кирьян Кузьмы Григорьевича, майора Федосеева Николая Петровича, капитана государственной безопасности Вдовина Павла Семёновича, жителей г. Медвежьегорска Кармановой Натальи Павловны и Бровина Фёдора Васильевича, представителей воинской части № 21609: капитана Викторова Александра Александровича и красноармейца Григорьевского Василия Яковлевича, составили настоящий акт о разрушениях, причинённых г. Медвежьегорску Карело-Финской ССР немецко-финскими захватчиками в период временной его оккупации.

Медвежьегорск в предвоенные годы представлял собой промышленный и культурный город Карело-Финской ССР с населением в 13 тыс. человек. Жилой фонд города состоял из 812 новых каменных и деревянных зданий. Город был благоустроен, имелись водопровод, канализация, электроосвещение, радиофикация, телефон, две гостиницы.

До оккупации в городе было много социально-культурных учреждений, в том числе: 3 новых каменных школы, клуб, театр, кинотеатр, дом обороны, шесть детских учреждений, 2 больницы, 2 поликлиники, 2 санатория — туберкулёзный и детский. Город имел развитую промышленность, в том числе крупные предприятия: четырёхрамный лесопильный завод, мясокомбинат, мебельную фабрику, центральные механические мастерские и 14 других средних и мелких предприятий.

6 декабря 1941 г. немецко-финские захватчики ворвались в город Медвежьегорск и на протяжении двух с половиной лет систематически разрушали жилые дома, промышленные предприятия и социально-культурные учреждения города.

Из промышленных предприятий, учреждений и предприятий транспорта сожжены и разрушены: лесопильный

Вид разрушенного финнами г. Медвежьегорска

четырёхрамный завод, мебельная фабрика, выпускавшая до войны продукцию на 14 млн. руб. в год, две электростанции, железнодорожное паровозное депо, центральные механические мастерские, имевшие оборудование — 120 станков и литейный цех. Разрушено хозяйство железнодорожного и водного транспорта: взорваны два больших железнодорожных моста, приведены в полную негодность путевое и стрелочное хозяйство, водоснабжение и связь. Сожжён водный вокзал, складское хозяйство водного транспорта, разрушена значительная часть причала.

Сожжены и взорваны 220 жилых домов, разрушены и приведены в негодное состояние 302 жилых дома. Сожжены: две школы, городской театр, Дом обороны, городской кинотеатр, две поликлиники, детская больница, туберкулёзный санаторий, аптека, детский сад, детские ясли и две библиотеки.

Разрушены: пожарное депо, три водонасосные станции, телефонная и телеграфная станции, радиоузел, электросеть города. Сожжены: гостиница, рынок, 13 магазинов. Взорваны все пять мостов в черте города.

(Подписи.)

РАЗРУШЕНИЕ Г. КОНДОПОГА

А К Т

1944 г., 7 июля, г. Кондопога, КФССР. Комиссия в составе представителей: от Красной Армии майора Растабарова Г. Г., от Кондопожского райкома ВКП(б) Калинина П. П. и Пантелеевой А. П., от Кондопожского райсовета депутатов трудящихся Афанасьева В. Ф., от райотдела НКВД — старшего лейтенанта Палкина М. Ф. и жителей г. Кондопоги Ершовой Серафимы и Алёхиной Зинаиды составила настоящий акт о разрушениях в г. Кондопоге, произведённых белофиннами за время оккупации ими города и в период отступления.

Белофинские захватчики ворвались в Кондопогу в конце октября 1941 г. и принялись грабить город; вывезли всё монтажное оборудование и щитовое хозяйство из Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, разграбили и вывезли имущество общественных организаций и мирных жителей, которое не было эвакуировано...

За время оккупации и в период отступления под ударами Красной Армии белофинские громилы уничтожали здания промышленных предприятий, учреждений и жилые дома, совершенно разрушили второй по мощности в Советском Союзе Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат; разрушили пегматитовый завод, единственный в Советском Союзе; уничтожили: хлебозавод, ГЭС, кирпичный завод, мебельную фабрику, райстройконтору, промышленные предприятия промсовета, шпаловый завод леспромхоза со всем складским хозяйством.

Белофинские оккупанты полностью уничтожили все культурные учреждения города: клуб бумажников, кинотеатр, детские ясли, детсад и т. д. Разрушены здания исполкома райсовета, здание РК КП(б), здание НКВД, гостиница, Госбанк, сельмаг, городская пожарная команда и неполная средняя школа. Сожжено до 250 жилых домов, принадлежавших горкомхозу, бумкомбинату и населению.

При своём отступлении белофинские оккупанты взорвали все шоссейные и железнодорожные мосты через канал, железнодорожные мосты через реки Уницу, Лижму, канал ГЭС Суну. Сожжены полностью с их рабочими посёлками и биржевым хозяйством Сунские и Уницкие лесозаводы.

Огромный ущерб белофинские оккупанты нанесли колхозному хозяйству района. Они стёрли с лица земли

населённые пункты: Гивдия, Лижма, Сопаха, станцию Лижма, станцию Кивач, деревню Янишполе, Андреев-Наволок и другие.

(Подписи.)

ПОСЁЛОК ВЕЛИКАЯ ГУБА ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕН БЕЛОФИННАМИ

А К Т

22 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся: майор Серобаба Иван Иванович, капитан Мелентьев Василий Иванович, старший лейтенант Степин Николай Афиногенович, рядовой Микшиев Василий Степанович и рядовой Ремшу Иван Фёдорович составили настоящий акт о разрушениях, произведённых финскими захватчиками в посёлке Великая Губа Карело-Финской ССР в период временной его оккупации.

Посёлок Великая Губа состоял из 40 жилых домов. В годы советской власти в этом посёлке были построены: шпалозавод, железнодорожный вокзал, хлебопекарня, водокачка и электростанция, оборудованные новейшей техникой. Были также построены: клуб, школа, два магазина, столовая, больница, библиотека, парикмахерская, изба-читальня и большое количество жилых домов для рабочих и служащих предприятий посёлка. Посёлок Великая Губа был соединён железной дорогой с Кировской магистралью.

За период временного хозяйничания белофинские мерзавцы сожгли и уничтожили все жилые дома, предприятия и учреждения с их техникой и оборудованием.

(Подписи.)

ПОСЁЛОК МАСЕЛЬСКАЯ ПРЕВРАЩЁН ФИННАМИ В РАЗВАЛИНЫ

А К Т

1944 г., 20 июня. Мы, нижеподписавшиеся, майор Ермолаев Яков Романович, майор Серобаба Иван Иванович, капитан Мелентьев Василий Иванович, капитан юстиции Исаев Иван Григорьевич и красноармеец Цветков Георгий Константинович, составили настоящий акт о разрушениях, причинённых финскими захватчиками в посёлке Масельская Карело-Финской ССР.

Посёлок Масельская, построенный в годы сталинских пятилеток, представлял собой один из культурных рабочих посёлков на севере. До войны в нём проживало свыше 5 тыс. жителей. В посёлке имелись: средняя школа, больница со всем необходимым оборудованием, кинотеатр, городская баня, парикмахерская, парк культуры и отдыха с прекрасным сосновым бором, гостиница, универмаг, швейная мастерская, электростанция, водокачка, железнодорожный вокзал и депо, шпалопропиточный завод. В Масельской было свыше 115 жилых зданий для рабочих и служащих посёлка.

В результате хозяйничанья и систематического варварского артиллерийского обстрела белофиннами посёлка Масельская последний представляет сплошные руины. В нём сожжены и разрушены: железнодорожный вокзал и депо, парк культуры и отдыха, школа, кинотеатр и детские ясли, больница и баня, водокачка и электростанция, шпалопропиточный завод и универмаг, швейные мастерские и гостиница.

Таким образом, культурный посёлок полностью уничтожен белофиннами. За это злодеяние белофинские мерзавцы должны понести суровое, справедливое наказание и материальную ответственность.

(Подписи.)

ФИНСКО-ФАШИСТСКИЕ ОККУПАНТЫ РАЗРУШАЛИ КОЛХОЗЫ И РАСХИЩАЛИ ИМУЩЕСТВО КОЛХОЗОВ И КОЛХОЗНИКОВ

Директива Олонецкого окружного штаба Военного управления Восточной Карелии от 8 декабря 1941 г. № 150:

«Захваченную колхозную собственность — сельхозмашины, инвентарь и другое имущество, а также домашний скот — следует учесть и объявить трофеями. Если же упомянутые трофеи частями не учтены, то сбор и учёт возложить на центральные сборные пункты или должностные лица Военного управления».

АКТ

1944 г., 27 июня. Мы, нижеподписавшиеся, майор Макаров Н. Г., капитан Леонидов И. Н., красноармеец Маккоев Ф. И., составили настоящий акт о злодеяниях фин-

ских захватчиков в деревне Острецье Медвежьегорского района Карело-Финской ССР.

До войны в деревне насчитывалось 18 жилых домов, в которых проживало 26 семей колхозников колхоза «Медвежьегорский большевик».

За время хозяйничания белофинских захватчиков с октября 1941 г. в деревне уничтожено 9 домов, разрушена школа, оставшиеся дома полуразрушены и опустошены.

Колхозные хозяйства белофинны полностью разграбили, оставшихся в деревне колхозников угнали на каторгу и их личное имущество разграбили. Деревня представляет собой руины. Оставшиеся дома финны заминировали.

(Подписи.)

АКТ

1944 г., 28 июня. Мы, нижеподписавшиеся, члены комиссии, представитель воинской части полевая почта 26587 майор Цыплянов, члены колхоза имени Васильева Ветто И. Г., Гундоев И. С., Родионов М. Я., Манниев В. А., составили настоящий акт о нижеследующем:

1. За период финской оккупации нашего колхоза финские военные власти разграбили и отправили в Финляндию следующее имущество нашего колхоза: 34 лошади, 10 жеребят, 64 дойных коровы, 30 коров нетелей, 26 телят, 50 свиней, 24 поросёнка, 36,5 *т* ржи, 1,5 *т* ячменя, 42 *т* овса, 21 *т* пшеницы, 4 *т* гороха, 16 телег, 34 запряжки конской сбруи.

Кроме того, отобрали у колхозников: Манниева В. А.— 1 корову, Куттуева В. Ф.— 1 корову, Гавриловой И. Е.— 1 корову, Кузьминой А. В.— 1 корову, Ахтиевой А. Н. — 1 корову, Потапова А. В. — 1 корову, Загорской К. П. — 1 корову, охотничье ружьё, 2 курицы, Ивановой А. Я.— 1 корову, 2 курицы, Савиной Д. В.— 1 корову, Иванова П. П., Пелечкова А. П., Иванова Д. В., Максимова В. И.— охотничьи ружья.

(Подписи.)

АКТ

1944 г., июня 26 дня. Мы, представители военной части полевая почта 26587, майор Цыплянов, младшие лейтенанты Никитин Н. Н. и Громыко С. Е. и счетовод кол-

хоза имени Чкалова, Ильинского сельсовета, Олонецкого района КФССР Спиридонов Михаил Иванович и члены сельскохозяйственной артели Логинов и Варламов, составили настоящий акт о нижеследующем.

Финны разграбили колхоз и увели колхозный скот в следующем количестве: лошадей — 33, коров — 25, нетелей — 15, телят — 23, быков-производителей — 1, свиней — 15, овец — 7, пчёл — 4 семьи, упряжи — 33 комплекта, плугов — 32, пружинных борон — 5, борон зигзаг — 28, окучников — 3, телег — 28, косилок — 2, семян ржи — 7 тыс. *кг*, овса — 9 тыс. *кг*, ячменя — 5 тыс. *кг*, пшеницы — 5 500 *кг*, гороха — 1 тыс. *кг*, картофеля — 2 тыс. *кг*.

(Подписи.)

АКТ

1944 г., 30 июня. Мы, нижеподписавшиеся, капитан Мелентьев Василий Иванович, рядовой Микшиев Василий Степанович и рядовой Ремшу Иван Фёдорович, составили настоящий акт о разрушениях и уничтожениях, совершённых белофинскими палачами во временно оккупированной деревне Мяндуселька, Медвежьегорского района КФССР.

До оккупации в деревне имелся 21 двор, кроме этого, изба-читальня и амбулатория, а также колхозный двор.

Во время хозяйничанья финские палачи сожгли 13 дворов. В ночь с 27 на 28 июня при отступлении под ударами наших частей финские варвары сожгли 6 дворов и все культурные учреждения деревни, а оставшиеся дома разрушили.

(Подписи.)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Житель деревни Васильевское, Ивановского сельсовета, Погорельского района, Калининской области Ф. А. Денисов, карел по национальности, рассказал:

«В нашей деревне проживают исключительно карелы — 54 хозяйства. Финский карательный отряд, придя в деревню, начал грабить поголовно всё население. Финны ворвались к колхознице Ирине Яковлевне Тумановой. Семья её состоит из 8 человек. Несмотря на это, они забрали у неё последнюю тёлку, 6 ульев, все деньги, 3 плат-

ка, шерстяное платье. У колхозника В. И. Скобкина насильно содрали с ног валенки. Скобкин стал сопротивляться, но разъярённые финны избили его и забрали валенки. Всё награбленное добро финны привезли в Новскую школу и тут же стали выбирать нужные им вещи, всё остальное они выбросили на улицу».

В акте, подписанном председателем колхоза Зайцевой А. И., учительницей Кузнецовой А. П. и Прибыловой С. А. говорится:

«При отступлении из деревни Новое, Ивановского сельсовета, Погорельского района, Калининской области финны сожгли 27 домов, одну школу, а другую разрушили».

Взятый в плен финский солдат Ахо Суло Иоганнес из 2-го отдельного батальона береговой обороны показал:

«По приказанию командира 2-го батальона полковника Кесямаа полностью разрушены деревни Любищина и Тарукинская. Брёвна и прочий строительный материал использованы на оборудование солдатских землянок и офицерских дач в районе деревни Романово. Разрушение домов производили солдаты егерского взвода 2-го батальона под руководством прапорщика Хилтунен. В ближайших деревнях из всех домов вытащены рамы и двери и увезены. В настоящее время в Толбуя привозят разобранные дома из деревни Татуринская, для того чтобы отапливать помещения для солдат. В деревнях, близко находящихся к расположению 2-го батальона, все дома приведены в полную негодность для жилья».

Шюцкоровец Хаимо Хойконен писал жене:

«Мне ничего не посылай, я сыт. Мы заходим в колхозы и на глазах у оставшегося населения забираем свиней, режем и варим их в своё удовольствие».

II

ФИНСКО-ФАШИСТСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ ОБЪЯВИЛИ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПЛЕННЫМИ И ИСТЯЗАЛИ ИХ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ

Пытаясь превратить Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику в свою колонию, финско-фашистское правительство ввело на захваченной советской территории по отношению к мирному советскому населению подлинное рабство, безудержный произвол, неслыханные пытки над советскими людьми. Нагло попирая всякие нормы международного права, финско-фашистские палачи заключили всех оставшихся советских граждан в концентрационные лагери, объявив их «гражданскими пленными». Заключённых в лагерях мучили голодом, пытками, изнуряли каторжным трудом, расстреливали. Город Петрозаводск был центром концентрационных лагерей. Там их было шесть: лагерь № 1 — на Куковке, № 2 — в домах Северной Точки, № 3 — в домах Лыжной фабрики, № 4 — в домах Онегзавода, № 5 — в железнодорожном городке, № 6 — на Перевалочной бирже. В этих лагерях содержалось до 25 тыс. человек как жителей Петрозаводска, так и пригнанных из других районов Карело-Финской республики. Такие же лагери были организованы и во многих других местах республики. Нижепомещаемые документы ярко рисуют кровавую систему превращения финскими фашистами мирных советских людей в рабов.

ЛАГЕРИ ПЛЕННЫХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

ИЗ ПИСЬМА

146 бывших заключённых во время финской оккупации в концлагерях в Петрозаводске

«Не чернилами, а кровью советского народа, пролитой в финских лагерях и застенках, мы подписываем это письмо.

Мы требуем, чтобы смерть наших детей, матерей, отцов, братьев и сестёр, погребённых на берегах Онежского озера, была отомщена нашей могучей Красной Армией.

Почти три года мы находились в плену у злодеев, возглавляемых таннер-маннергеймовскими палачами и салистами. Почти три года мы были оцеплены двойной колючей проволокой, окружены тюремными вышками и охранялись вооружённым конвоем. Нас морили голодом, избивали нагайками за малейшую провинность, нас топтали тяжёлыми солдатскими сапогами и травили, как бешеных собак.

Финские солдаты врывались по ночам в наши бараки и насиловали наших девушек и женщин. Особенно отличались на этом позорном поприще озверелые солдаты генерала Лагуса. Эти лагусовцы стреляли в наших детей, убивали их только за то, что они пытались самовольно уходить в города, чтобы нищенствовать и выпрашивать у подворотен финских кухонь и казарм немного каши и сухарей.

В одном только Петрозаводске соорудили шесть лагерей, где в грязных, холодных бараках ютились 30 тыс. человек, повинных только в том, что в их жилах течёт кровь советских народов. От голода, которым нас морили финны, от жестоких побоев, порки через мокрые, пропитанные солью тряпки — этих обычных методов финских тюремщиков — в каждом лагере умирало в день по 20—25 заключённых. Живое свидетельство этому — братские могилы на Соломенном шоссе, в Песках, где похоронены тысячи наших отцов, матерей и детей.

Школы были превращены в казармы, русские учебники сожжены. Библиотеки были закрыты, а русские книги вывезены в Финляндию. Финские власти грабили заключённых. Они заставляли нас выносить из занимаемых нами каморок лично нам принадлежащие вещи и отнимали одеяла, часы, чемоданы.

Особенно зверствовал в лагере № 2 комендант лейтенант Салаваара, беспощадно поровший заключённых и выгонявший плетьми на работу больных людей. За малейший проступок одного заключённого комендант лишал весь лагерь рациона. Управляющий хлебозаводом Раккала сажал людей в чаны с холодной водой на несколько часов. Нам хорошо запомнились финские палачи — комендант лагеря Вилки Лакоонен, его подручный Певкуренен. В Подорожби сержант Хейто выгонял больных, голодных людей в одной рубашке на снег. Подобными фактами была полна вся наша жизнь.

Для «правонарушителей», состоявших преимущественно из детей, молодёжи и женщин, созданы были лагери специального назначения: в Кутижме, Вилге, Кондосове, по своим условиям не уступавшие средневековым казематам. Здесь советских людей морили голодом, выгоняли на лесные работы зимой в рваных резиновых галошах на босую ногу. Здесь население лагерей питалось мышами, лягушками, дохлыми собаками. Здесь умирали тысячи пленных от кровавого поноса, тифозной горячки, от воспаления лёгких — без всякой врачебной помощи. Врач-зверь Колыхмайнен вместо лечения бил больных палками и кулаками, выгонял сыпнотифозных на мороз и заставлял сгребать снег с крыш. Этот выродок с медицинским образованием изобрёл особый способ умерщвления больных: он впрыскивал быстро действующий яд в нарывы больных, и последние умирали в ужасных судорогах.

Из 600 человек лагерников, пригнанных в Кутижму в начале 1942 г., в живых осталось и вернулось в Петрозаводские лагери только 149 человек, большинство из которых либо на всю жизнь остались нетрудоспособными, либо умерли через короткий срок.

Нас никогда не называли по именам или фамилиям, мы числились под особым номером, и когда увозили на кладбище кого-нибудь, то говорили, что «увезён такой-то номер».

Для палачей таннер-маннергеймовской Финляндии мы были не люди, а рабы и с нами поступали, как с рабами: били, морили голодом, плевали в лицо, стригли девушкам косы и не допускали свободно ходить в церковь».

(Подписи.)

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывших заключённых Петрозаводского лагеря № 6 Лидии Колосовой и Антонины Кейковой

«Лагерь № 6 для заключённых гражданского населения помещался на окраине г. Петрозаводска, на Перевалочной лесной бирже. Он состоял из 139 домов. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой. Эта ограда имела высоту до 2 *м*. Внутри этого общего лагеря находился исправительный лагерь, состоявший из трёх домов — № 128, 129, 130. Этот исправительный лагерь был обнесён двумя рядами колючей проволоки и забором. Внутри лагеря на ночь выпускалась собака. В исправительный лагерь заключались «провинившиеся»: за попытку побега, за уход из лагеря без разрешения. Подходить остальным заключённым к исправительному лагерю было строго запрещено, разговаривать с заключёнными также не разрешалось. Попытка передать заключённым хлеб каралась заключением в исправительный лагерь. Одну женщину по фамилии Котомкина за это финны ранили из ружья. 21 июня 1944 г. она хотела передать своему сыну сапоги. Котомкина обратилась с просьбой к патрулю пропустить её к сыну. В ответ патруль выстрелил в неё.

К моменту прихода Красной Армии в Петрозаводск в лагере № 6 находилось до 3 500 человек, согнанных из Свири, Заонежья и других районов.

С самого начала существования лагеря в нём развилась большая смертность из-за цынги, недоедания. Заключённые в большинстве распухли от голода. Ежедневно умирало по 10—15 человек. В общей сложности в лагере умерло свыше тысячи человек.

Заключённых морили голодом, в связи с чем они питались крапивой, убивали собак, кошек, крыс, ловили лягушек.

Заключённых отправляли под охраной на лесозаготовки, на очистку городских улиц. Заставляли прислуживать офицерам. Среди заключённых были и учителя и врачи. За малейшие нарушения лагерного режима финны подвергали заключённых порке резиновыми плётками, сажали в холодный карцер... Хлеб стоил 50 марок за килограмм, спички — 1 марка за коробку, причём купить хлеб можно было лишь из-под полы у финских солдат, которые спекулировали своими пайками.

Начальник лагеря майор Куурема сам неоднократно избивал заключённых резиновой плёткой. После избиения Куурема всегда ходил довольный и улыбался, говоря: «Немного рука болит, русских наказывал».

Мы, нижеподписавшиеся, работали в лагере в качестве писарей. В воскресенье, 18 июня, придя на работу, мы увидели, что все документы, списки заключённых, картотеки и т. д. были сожжены финнами.

Начальник лагеря майор Куурема и солдаты с 20—21 июня начали распродавать своё и казённое имущество, продавали и вещи, украденные с вещевых военных складов. Майор продавал папиросы (он запрашивал по 150—200 марок за пачку), грязное бельё и т. д. Были случаи грабежа. Один солдат остановил мальчика, шедшего из города с продуктами, отобрал все продукты и прогнал мальчика обратно.

Подписали: *Колосова Лидия,* посёлок № 6, Петрозаводск, дом 42.
Кейкова Антонина, там же, дом 100».

РАССКАЗ

Боковой Клавдии о зверствах в лагере № 6

«Среди финнов, которые были при лагере № 6, особенными извергами являлись следующие: начальник лагеря майор Куурема, капрал лагеря Тойвола, капрал Нююрос. Эти фашистские изверги издевались над русским народом. К числу издевательств относится и поголовная стрижка женщин. Были избиты плётками: Копосов Василий, Жвынов Сергей, Савин Сергей, Ожухов, Москалёва Клавдия. Кроме этих людей, ещё сотни заключённых этого лагеря были избиты и брошены в будку. Избиению подвергались почти все дети, очень мало осталось детей, которые не испробовали финской плётки с железным наконечником и не посидели в будке. Какшаков Владимир был избит плётками 4 раза. Подверглись избиению Пашов Владимир, Сысоев Владимир, Фонин Василий, Стафеев Александр, Сименков Михаил и Савельев Евгений. В мае 1944 г. все дети школьного возраста были посажены в будку. В течение целой недели дети партиями уводились по очереди в будку, где их пороли плётками. Причиной этой расправы послужило то, что кто-то из детей бросал камнями в финских патрульных. По неизвестным причинам были взяты в

тюрьму Безменов Анатолий, Каменов Владимир, Богданова Таисия, Полнов Николай, Тихонов Иван и др. Немало молодёжи было послано в 1942 г. в Кутижму на работу, но из них редко кто возвращался обратно.

От недоедания люди опухали и умирали, а когда больной обращался за помощью к врачу, то последний вместо лечения избивал людей. Таким образом умерли в лагере Колосов Николай, 19 лет, Амосков Николай, 26 лет. Много людей осталось навсегда в лесах Кутижмы, где они погибли от рук финских извергов.

В чём и подписываюсь — *Бокова Клавдия*, посёлок № 6, дом 107/98».

ПОКАЗАНИЕ

бывшего «пленного» из гражданского населения г. Петрозаводска Капусткина Павла Михайловича (пенсионера, 1883 г. рождения)

«Красная Армия оставила г. Петрозаводск 1 октября 1941 г. в 4 часа утра; в 5 часов утра на улицу Гоголя пришла финская разведка из 5 солдат и одного офицера, а в 6 часов утра вступили в г. Петрозаводск финские регулярные войска. Вслед за вступлением финских войск в город был отдан приказ командованию вскрыть квартиры. Начался грабёж города финскими войсками, который продолжался пять дней. Брали всё ценное. Искали спирт, одеколон, ковры, кожу, костюмы, валенки, галоши, не брезговали туалетным мылом. В первый же месяц, в октябре, стали забирать людей и сажать по лагерям. Я, Капусткин, просидел по доносу в каторжной тюрьме в Петрозаводске почти два года. Тюрьма эта называлась Кондосовская центральная каторжная тюрьма. Сидели там партизаны, люди за связь с партизанами, за агитацию и пропаганду. В тюрьме заключённых изнуряли непосильным трудом.

Всех арестованных держали на голодном пайке. На обед давали литр воды и стакан муки, на ужин лишь воды и несколько картофелин. В силу недоедания и непосильной работы были случаи голодной смерти (Егоров — бывший директор кафе г. Петрозаводска, Васильев и ряд других).

За малейшее нарушение порядка (опоздание с выходом на работу, в столовую и пр.) избивали палками, ко-

торые имела вся охрана, начиная от коменданта и кончая конвоиром.

Официально по приказу начальника тюрьмы была введена порка. Давали от 25 до 75 ударов плетью, в присутствии всех лагерников, предварительно раздев и положив на скамейку вниз лицом. При мне лично было до 50 случаев порки. Например, при порке Шаболина, которому было дано 75 плетей, я не мог выдержать и со мной стало плохо. Шаболин сначала стонал, а потом и стонать перестал. После порки Шаболин 5 дней не мог работать. Заключённые не выдерживали голода и истязаний. Многие решались на побег, заявляя: «всё равно умирать».

При попытке к побегу Николай Орлов был пристрелен насквозь автоматом. Не успел он поправиться, как его снова выгнали на работу.

Железнодорожник Василий Иванов в результате избиений, издевательств и голодного существования был доведён до такого состояния, что готов был на самоубийство, совершил побег, но на девятом километре от Киндосов был настигнут и расстрелян без суда.

Заключённый Палагин во время работы отлучился на несколько минут на огород за брюквой. Его заметил комендант тюрьмы сержант Ковала и пристрелил на месте из револьвера в спину.

Люди, доведённые в тюрьме до крайнего истощения, ели крыс, лягушек, крапиву, лебеду, мокриц. От истощения умерли: Орлов, Костьянов (из Заонежского района) и ряд других, фамилий которых я не помню.

За работой содержавшихся в тюрьме наблюдал начальник тюрьмы, по званию капитан (фамилии не знаю), верхом на лошади, и как только он замечал, что кто-либо разогнул спину для отдыха — подъезжал к нему, бил палкой и топтал лошадью.

Павел Капусткин.
15 июля 1944 г.»

ПОКАЗАНИЕ

Гюбиева Фёдора Ивачовича, проживающего по улице Чапаева, дом 20, в Петрозаводске

«Во время оккупации белофинскими войсками территории Карело-Финской ССР маннергеймовцы творили неслыханные зверства. Город Петрозаводск они превратили

в сплошные лагери, в которых томились тысячи мирных советских граждан — мужчин, женщин, стариков и детей. В посёлке на Перевалочной бирже был организован концлагерь под № 6, в котором содержалось до 5 тыс. человек мирных граждан. Люди умирали голодной смертью, над пленниками творили жуткие издевательства, били до потери сознания палками и плётками. Белофинские палачи глумились над своими жертвами. Они считали большим удовольствием пристрелять своё оружие и поупражняться в меткости стрельбы по живым целям — по детям, подросткам и женщинам. Я с семьёй проживал за оградой лагеря и в 1943 г. лишился двоих детей в результате преступных действий финского палача из охраны лагеря, фамилии его не знаю. 29 февраля 1943 г. мальчик и девочка из моей семьи пошли в школу, и вот финский душегуб выстрелами из винтовки убил насмерть обоих моих детей. Этот фашистский выродок на посту не находился, а блаженствовал в дому́ — в квартире — и упражнялся в меткости стрельбы. Я был очевидцем, когда дети из лагеря № 6 перелезали через проволоку, чтобы собрать грибов и ягод для пропитания, но финские охранники лагеря открывали стрельбу по детям, а затем ловили их, сажали в будку и избивали».

ПОКАЗАНИЯ

Рогачёвой-Луканичевой А. А., содержавшейся в концлагере № 6:

«Белофинские кровожадные хищники не считали за позор глумиться над своими жертвами; они не брезговали даже расстрелом беззащитных несовершеннолетних подростков. В 1942 г. в «Песках» начальник охраны пленных Сеппеля выстрелом из пистолета убил мальчика Петю только за то, что последний от невыносимого голода вынужден был зайти в палатку финских солдат просить кусок хлеба.

В 1943 г., во время моей работы воспитательницей детского дома в лагерях № 6 и № 1, мне часто приходилось наблюдать зверское обращение с детьми и взрослыми со стороны финских солдат-палачей из охраны лагерей. За малейшую провинность они жестоко наказывали детей плёткой, палками и бросали в карцер.

В 1943 г. в лагере № 6 воспитанники детского дома Лукачёв Слава и Медведев Александр достали где-то

немного продуктов. Об этом узнал начальник лагеря (фамилии его не знаю) и избил их обоих до бесчувствия с нанесением телесных повреждений.

Гражданку Гагарину Анну Петровну начальник лагеря избил только за то, что она пожалела своё хорошее платье сдать в жарилку, боясь, что его сожгут».

Коломенского Алексея Прокофьевича, находившегося в 5-м петрозаводском лагере с 1 декабря 1941 г. по 28 июня 1944 г.:

«Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище «Пески», расположенное в 5 *км* от г. Петрозаводска. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждую неделю. По моим записям, в мае 1942 г. умерло 170 человек, в июне — 171, в июле — 164, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 г. умерло в нашем лагере 1 014 человек. В начале 1942 г. в этом лагере было около 7,5 тысячи человек, а к моменту освобождения нас Красной Армией оставалось 4,5 тысячи».

Галашевой Агафьи Амосовны о зверствах финнов в лагере № 2:

«Я, как и многие другие русские люди, когда враг оккупировал местность, где мы жили, вместе с двумя малолетними детьми была заключена в концлагерь № 2 в г. Петрозаводске.

Много лишений пришлось претерпеть мне и моим детям от белофинских бандитов. Хочу рассказать об одном наиболее ужасном случае, который произошёл со мной в начале 1943 г. Для того, чтобы как-нибудь прокормиться, я брала у финских солдат стирать бельё, так как за эту работу они мне оплачивали продуктами. Тем же занималась и моя подруга Богданова. В феврале мы закончили стирку партии белья, но отнести его не было никакой возможности, так как за проволочное ограждение лагеря никого не стали выпускать. Тогда мы, я и Богданова, решили полезть под проволоку. Нам это удалось, мы отнесли бельё, за что получили по куску хлеба. В лагерь также пришли незамеченными. Однако нас кто-то выдал, и мы были посажены в «будку». Будка — это холодное помещение, которое никогда не топилось, и снег падал в разбитые окна.

Продержали нас в будке 15 суток, кормили, когда захотят, что сталось с детьми — мы не знали. Один раз

Советские дети в финском концентрационном лагере

расслышали, как ребёнок Богдановой с истерическими воплями звал мать. По истечении 15 суток к нам в будку зашёл переводчик с тремя вооружёнными солдатами и объявил, что мы обе осуждены к расстрелу и завтра ровно в 12 часов приговор будет приведён в исполнение. По лагерю было расклеено объявление, что Галашева и Богданова за самовольный уход из лагеря будут расстреляны.

В назначенный день расстрела нас в сопровождении конвоя повели к штабу. Пришёл финский поп, чтобы отпевать нас. Так, помучив нас ещё некоторое время, объявили, что по указанию свыше приговор отменяется и заменяется вечной каторгой.

После этого нас снова заперли в будку, где мы в общей сложности просидели 60 дней. В качестве смертников мы были 40 дней, ожидая с минуты на минуту, что за нами могут явиться».

Баткова Василия Карповича:

«Я был очевидцем того, как в лагере № 2 две русские девушки вышли за зону лагеря для того, чтобы купить хлеба, их поймали и привели в штаб лагеря, положили на стол. Палачи держали девушек за голову и за ноги, а помощник начальника лагеря Вейкко с солдатом били этих девушек до полусмерти, а затем выбросили на 25-градусный мороз. В 1942 г. был такой случай: я, Батков, опоздал на работу, меня вызвали в штаб лагеря. Заподозрев, что я военнопленный, резиновой палкой били по голове и лицу, потом раздели догола, обернули в мокрую солёную тряпку и снова били до полусмерти, но я не признавался. Тогда белофинские палачи ножом ударили в спину и руку и снова посадили в будку, после чего отправили в лагерь военнопленных, где я часто подвергался избиениям резиновыми палками и железными перчатками».

ЗАЯВЛЕНИЕ

гражданина Музыченко

«Я, Музыченко Павел Тарасович, рождения 1917 г., был схвачен финнами 10 октября 1941 г. Я работал на железной дороге в качестве дежурного станции Пяжиева-Сельга. Когда я попал к финнам, меня заключили в лагерь № 2 в г. Петрозаводске. При допросе у меня спрашивали, куда я дел оружие, но несмотря на то, что у меня

не было никакого оружия, ко мне начали применять пытки. Палач, одев на руки резиновые перчатки, бил меня по лицу. После этого заставили наклониться над раскалённой докрасна плитой. И до трёх раз спрашивали, куда я спрятал наган. Но я повторял одни и те же слова, что у меня не было никакого нагана. В третий раз меня заставили снять валенки и носки с ног, вытащили из плиты железный прут, с метр длиной, раскалённый докрасна, и начали прижигать мне ноги. На ногах вскакивали и лопались волдыри.

Музыченко».

РАССКАЗ

учительницы Клавдии Одоевской об истязаниях в лагере № 4

«В начале войны (16 сентября 1941 г.) я эвакуировалась из района посёлка Свирь-3 в Ровскую судостроительную верфь. Через несколько дней (24—25 сентября) в Ровское пришли финны. Финны вламывались в дома, приставали к женщинам, издевались над ними. В первых числах декабря 1941 г. финские власти объявили, чтобы русское население собралось для отправки, но куда именно, не сказали. Три дня мы добирались до железнодорожной станции Свирь. В течение этого времени мы останавливались в нетопленных холодных зданиях. Мой ребёнок всё время был на морозе. На станции Свирь нас погрузили в товарные вагоны, набили так, что негде было сидеть. До Петрозаводска мы ехали 8 суток. У одной женщины, Галины Беловой, умер грудной ребёнок. Она похоронила его в снегу. В дороге финны продуктов не давали.

В Петрозаводске нас направили в лагерь № 4, обнесённый колючей проволокой. Меня с семьёй сестры (всего 8 человек) поместили в маленькой каморке. Продукты, холст и другие вещи, которые наши люди привезли с собой, финны сразу же после прибытия в лагерь отобрали. В лагере от плохого питания (мы ели крапиву, трупы собак, прошлогоднюю гнилую картошку) развилась большая смертность. В нашем бараке № 12 проживала семья Веловых из 7 человек. За одну неделю у них умерло 5 человек: мать и 4 детей. Весной 1942 г. весь лагерь поголовно переболел цынгой, а дети корью. У меня от кори умер ребёнок. В бараках было холодно, зимой

на полу постоянно лежал иней. Дрова для лагеря мы возили на себе.

Еженедельно в нашем лагере умирало по 25 человек. Хоронили покойников так: из подростков, находившихся в лагере, была составлена бригада, которая рыла могилы (под присмотром финского патруля). Гробы накладывались в ямы штабелями, и яма зарывалась лишь тогда, когда она была наполнена гробами (25—30 гробов). Кладбище находилось по Соломенному шоссе, в 5—6 *км* от лагеря № 4 («Пески»).

Лагерь № 4 находился по улице Калинина. В 1942 г. большинство заключённых в нашем лагере было отправлено на лесоразработки, а остальных, и меня в том числе, перевели в лагерь № 6.

Учительница *Одоевская Клавдия,* Лососинская набережная, дом 27. Петрозаводск. 4 июня 1944 г.»

КУТИЖМСКИЙ ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывшего заключённого учителя Кузнецова

«Кутижма — лагерь для русских пленных в 42 *км* от Петрозаводска. С этим местом у всех, побывавших здесь, связаны самые мрачные воспоминания.

«Отправляют в Кутижму!»

Кровь леденела при этом известии. Не было хуже наказания, тяжелей положения, как быть отправленным на работы в этот лагерь.

До прибытия первой партии гражданских пленных здесь работали 250 военнопленных, из которых свыше 100 человек умерли от истощения и побоев. Двое из нашей партии в 40 человек, отправлявшейся в Кутижму в феврале 1942 г., узнав о месте назначения, на полном ходу поезда выбросились из вагона через окно.

Кутижма — это три мрачных низких барака, огороженных колючей проволокой, расположенных среди леса в болотистой местности. В бараках темно, грязно, душно от дыхания набитых доотказа людей, от непросыхающей обуви и одежды. На низких нарах на каждого приходилось так мало места, что можно только лежать, и то на боку; сырое пальто служило подушкой, подстилкой и одеялом. Во всём огромном бараке было две малюсеньких пе-

чурки, около которых в очередь толпились десятки людей: развешивали сырую одежду, обувь, бельё, прожаривали бесчисленных паразитов, варили вонючую похлёбку из отбросов выгребной ямы, которых не едят и собаки.

Мизерный кусок хлеба и несколько ложек мучнистой воды не могли удовлетворить истомлённого, изголодавшегося взрослого человека. Бо́льшая часть пленных весь суточный паёк съедала сразу, в момент выдачи, и до другого утра питалась одной водой. В таком состоянии люди с 6 часов утра выгонялись за 3—4 и даже за 5 *км* в лес на заготовку дров, где вязли по колено в снегу. Неудивительно, что, возвращаясь с работы, люди падали на дороге, будучи не в силах добрести до барака. К тому же невыполнение нормы выработки, малейшее опоздание карались уменьшением пайка до половины, ударами палкой, плетью. Люди болели и умирали, как мухи.

Сержанты, не расстававшиеся никогда с плетью и палкой, били пленных; над нами издевались переводчики, но больше их всех издевался палач-врач. Этот полупомешанный садист ежечасно врывался в тот или другой барак и избивал десятки людей. Рукоприкладство, вывёртывание рук, ног, сталкивание больных с высоты — вот каковы были средства и способы «лечения» этого эскулапа. Он состязался в избиении с палачами каземата (будки). Стон истязуемых в больничном застенке был слышен чаще и громче, чем в будке. Боясь заявлять о болезни, больные с трудом плелись на работу и падали на дороге. Из партии в 40 человек через два месяца в город возвратилось 18 человек тяжелобольными. Из последующей партии в 100 человек, по словам т. Корсакова из второго лагеря, половина умерла на месте в Кутижме и семь человек умерли сразу же по приезде в городской лагерь.

Подписал: учитель Мятусовской неполной средней школы Подпорожского района, Ленинградской области,

Александр Кузнецов (год рождения 1887)».

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывшей заключённой Кутижского лагеря Надежды Кюршевой

«В Кутижме я пробыла 22 месяца — с января 1942 г. по ноябрь 1943 г. В лагере я работала в качестве повара, варила суп из гнилой картошки и нечищенного турнепса. В супе был песок. Картофель и турнепс чистить не разре-

шалось. Однажды я сожгла руку. У меня была высокая температура. Спустя десять дней, которые я пролежала в бараке, меня посадили в будку — тёмное, неотапливаемое помещение.

В будке я просидела три дня. Кормили один раз в день, давали баланду (по-фински — пура) и 150 *г* хлеба. Потом меня вывели и перевели в комнату, где наказывали заключённых. Мне приказали раздеться догола, лечь через табуретку. Мне дали сначала 15 ударов. Били с правильными промежутками резиновой плёткой с проволокой внутри. При порке присутствовал лейтенант Мяямпаа, два палача — Агрола и Алта (это была их специальная работа — пороть) и переводчик. После 15 ударов меня спросили, сколько ударов я получила. Я ответила, что не считала. После этого я оделась и со злостью сказала «спасибо». За это мне дали ещё 10 ударов.

Я присутствовала при порке заключённого Константина Фёдорова. Финны заставляли заключённых смотреть на порку. Его пороли так: велели раздеться догола, положили на стол, тело накрыли пропитанной дотказа солью мокрой тряпкой и дали 15—20 ударов. Били также с промежутками.

В лагере всех мужчин и женщин брили наголо. За побег финны выстригали на голове крест (вдоль и поперёк головы). Смертность в лагере была большая. В Кутижме есть братская могила, где похоронено 300 человек. Хоронили без гробов.

Доктор Колыхмайнен не лечил, а издевался. Приходит к нему больной, жалуется на боль в голове,— Колыхмайнен ударяет головой о стенку. Если больной жаловался на грудь — били в грудь. Однажды к Колыхмайнену пришёл больной и сказал, что он от слабости не может работать. Колыхмайнен приказал принять ему 20 каких-то таблеток. Через 15 минут больной умер, очевидно, от отравления.

Город Петрозаводск, посёлок № 6, Перевалочная улица, дом 56, *Кюршева Надежда Васильевна*,
7 июля 1944 г.»

ЗАЯВЛЕНИЕ

бывшего заключённого Романова Алексея Михайловича

«10 марта 1942 г. нас отправили из концлагеря № 2 (Северная Точка) на станцию Кутижма, которая находится в 42 *км* от Петрозаводска. Ранее в Кутижме работали

красноармейцы, которые были в плену у финнов. За 4 месяца из 800 пленных красноармейцев в живых осталось около 100—110 человек, и те к труду непригодные. Нас привезли туда 10 марта 1942 г. 600 человек, а 13 июля 1942 г. нас осталось в живых 160 человек, да и те, кто остался, работать совершенно не могли. В лагере свирепствовали разные болезни от голода и побоев, тесноты и грязи. В небольшом бараке помещалось 200—220 человек. Таким образом, в нашем лагере Кутижма умерло с 10 марта по 13 июля 440 человек. Привезли нас в Петрозаводск 160 человек, из которых половина умерла.

Особенно зверствовал фельдшер, финн-палач Лехтенен, который вместо медпомощи избивал нас, русских, до полусмерти. На моих глазах 4 апреля 1942 г. был замучен мой двоюродный брат Ромашов Владимир Михайлович, 26 лет. После него также были замучены досмерти Сенькин Иван Владимирович, 39 лет, и Иван Андреевич Анисимов, 18 лет, из деревни Кезо-Ручей, Подпорожского района.

Подписал бывший лагерник Кутижмского лесопункта *Романов Алексей Михайлович*. Адрес: г. Петрозаводск. улица Кузьмина, дом 33».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ

В сентябре месяце 1943 г. десятилетний мальчик Зуев Леонид Иванович, содержавшийся в концлагере № 2, хотел перелезть через проволочный забор. Финский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения выстрелил в него и ранил мальчика в ногу. Когда Лёня свалился, финн выстрелил в него вторично. Израненный Зуев с трудом дополз в зону лагеря. (Из показания Зуева от 7 июля 1944 г.)

22 октября 1942 г. в лагере № 5 двенадцатилетний мальчик Демехин Александр хотел пролезть через проволоку, сходить в город и купить кусочек хлеба для братьев и сестрёнок. Демехин был замечен патрульным лагеря, по имени Микко; последний без всякого предупреждения из винтовки выстрелил в Демехина, прострелил ему грудь и правое лёгкое. В тяжёлых, мучительных судорогах Демехин через сутки скончался. (Протокол допроса Демехиной М. М. от 8 июля 1944 г.)

Недалеко от Петрозаводска в «Песках» мальчик Петя в 1942 г. зашёл в палатку к белофинским солдатам попросить кусок хлеба; тут же Петя был задержан и расстрелян комендантом лагеря. (Протокол допроса Дмитриевой Е. М. и Могучевой А. И. от 7 июля 1944 г.).

Корнышева Екатерина Фёдоровна, находившаяся в концлагере, показала:

«В январе 1942 г. моя 11-летняя дочь Зина выкопала в снегу ямку под проволокой, с тем чтобы сходить в город и купить кусок хлеба. Охрана лагеря, заметив намерения Зины, открыла по ней стрельбу из винтовок. Зину поймали, посадили в будку, а затем избили резиновыми палками. Лилась кровь из Зининых рук, ног и спины, после избиения Зина лежала 2 недели. Жаловаться было некому, да и нельзя было, так как лагерников держали хуже собак». (Протокол допроса Корнышевой Е. Ф. от 7 июля 1944 г.)

Солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне, взятый в плен в 20-х числах июня 1944 г., показал:

«В первых числах июня 1944 г. я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпьё. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на всё смотрели безразличными глазами».

ВЫПИСКА ИЗ АКТА,

составленного бывшими заключёнными лагеря № 8

«После того, как финские войска захватили сёла и деревни Олонецкого района Карело-Финской ССР, они создали в районе, прилегающем к Ильинскому лесозаводу, 3 концентрационных лагеря, куда заключили более 2 тыс. советских граждан. Финские военные власти назвали эти лагери переселенческими, но в действительности это были концентрационные лагери, в которых был установлен варварский режим. Мирные граждане — женщины, дети и старики — были объявлены пленными.

Паёк, который выдавался заключённым, состоял из 150—300 *г* сухих чёрных галет, испечённых из овсяных и

Советские дети в концентрационном лагере финских захватчиков

других отбросов, из порции жидкого супа — баланды. Иногда выдавалась так называемая «колбаса», сделанная из мясных, главным образом конских, отбросов с примесью крупы. «Колбаса» всегда доставлялась заплесневелой, с признаками начавшегося гниения, с червями. И как ни голодны были заключённые, они часто выбрасывали эту колбасу на помойку. Пленных изнуряли непосильной работой — по 12—14 часов в сутки на лесоразработках. Финны заставляли работать даже и детей.

В комендатуре существовал целый набор различных плетей: из толстой квадратной резины и круглые, набитые песком. Избиения были обычным явлением. Кроме индивидуальных, производились массовые порки. В сентябре 1943 г. группа женщин пошла из лагеря в село Тукса для поисков на перекопанных полях остатков картошки. По возвращении в лагерь в комендатуре, по распоряжению младшего сержанта Касимяки Тюкио, были избиты плетьми 24 женщины. Били их так: приказывали снять верхнюю одежду, клали на скамью и избивали. Так были избиты: Татьяна Денисевич, Евдокия Поташева, Татьяна Мухина, 17 лет, Александра Мухина, 15 лет, беременная Сержантова Анастасия и др. По всему лагерю разноси-

лись душераздирающие крики. Тела истязаемых были в кровоподтёках. После избиения они были лишены половины недельного пайка. Заключённые подвергались и другим издевательствам. В марте 1944 г. финны придумали новое наказание. За невыполнение непосильных заданий были наголо острижены: женщины А. Поташева, Т. Корзина, О. Туманова, А. Воронина и девушки Л. Сажинова, В. Никифорова, А. Смирнова и др.

Финские власти не заботились о санитарных условиях — за всё время заключённые получили по 150 *г* мыла.

В результате систематического недоедания, изнурительных работ, побоев в лагере умерло до 25% заключённых. Финские палачи вели регистрацию всех производимых экзекуций с указанием фамилии наказанного, количества ударов, но перед отступлением все эти материалы сожгли.

Настоящий акт составлен 1 июля 1944 г.

Бывшие заключённые лагеря № 8: *М. И. Котова, Е. Г. Косточка, А. Н. Фёдорова, Е. П. Басина».*

А К Т

1944 г., июля 5-го дня. Посёлок «Ильинское», Олонецкого района, КФССР (бывший финский концлагерь).

Мы, нижеподписавшиеся, майор юстиции воинской части, полевая почта 26496, Зайцев К. М., уполномоченный рабочим посёлком «Ильинское» Олонецкого района (бывший заключённый лагеря № 8) Леваков В. В., фельдшер «Ильинской» больницы (бывшего лагеря № 8) Корнышев Василий Матвеевич, бывшие заключённые лагеря № 8: Тимонина Вера Васильевна, Трошкова Ирина Матвеевна, Ляскин Иван Фёдорович, Ганина Ольга Петровна, Михеев Анатолий Гаврилович, Михайлов Михаил Фёдорович, составили настоящий акт об издевательствах финской военной лагерной администрации над советскими гражданами, заключёнными в лагерь № 8 в «Ильинском» отделении.

На работах использовались все заключённые, начиная с 10-летнего и до преклонного возраста. Рабочий день доходил до 16 часов. Питание заключённых было чрезвычайно плохим. Хлеба выдавалось до февраля 1942 г. 100—125 *г*, с февраля 1942 г. — 225 *г* сухих галет на одного человека, галеты были недоброкачественные — с примесью суррогата. Овощей не выдавалось, в редком случае выдавался в не-

значительном количестве мороженый картофель. Ввиду плохого питания население лагеря вынуждено было употреблять в пищу различные суррогаты — траву, крапиву и несъедобные грибы, а многие ели крыс, собак и кошек. Вследствие плохого питания среди советских заключённых в отделении лагеря было массовое истощение и большая смертность.

От голода умерли: Трус Никита и его жена Василиса, Громов Тимофей с женой, у Козыревой Ольги умерло от голода трое детей, а сама она стала инвалидом. Трое детей умерло у Аристовой Марии, и много других.

За малейшее нарушение лагерного режима и упущение в работе, а больше всего беспричинно, заключённые подвергались администрацией лагеря различным наказаниям путём избиения резиновой палкой с металлическим наконечником, трубкой от противогаза, начинённой песком, палками, прикладами и другими предметами, арестом с содержанием в будке или в Пряженской тюрьме; лишением пайка на определённое время — до 5 суток; дополнительным тяжёлым трудом, принудительной стрижкой женщин.

Особенно жестокое отношение проявляли к заключённым начальник лагеря лейтенант Эррикайнен со своим помощником Каррикко и комендант отделения сержант Яккола с помощниками капралом Энгелем и сержантом Каукинен.

Избиение заключённых в 1941—1942 гг. было введено в систему, ежедневно избивалось по нескольку человек. Так, были избиты: Алексеева Мария, которая от побоев впоследствии умерла, Громов Тимофей, Леваков Виктор, Михеев Анатолий, Ляскин Иван, Голикова Зоя, Фёдоров Прокофий, Крайников Михаил, Лезин Николай и т. д. В лагере не осталось почти ни одного взрослого человека, который бы не подвергался избиению. Избиениям подвергались также и дети. В июне 1942 г. была избита группа детей в возрасте 8—12 лет, в том числе Трошкова Рима, 12 лет, Иванов Геннадий, 11 лет, всего в количестве 15 человек, за сбор ягод на территории лагеря — возле проволоки. Миронова Геннадия, 6 лет, избили в августе 1943 г. за детскую игру возле выходных ворот лагеря. В 1943 г. в сентябре месяце прикладом был избит за перекапывание убранного картофельного поля на территории отделения лагеря Рожинов Николай, 14 лет.

(Подписи.)

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся: председатель комиссии капитан Соков А. Е., члены комиссии: майор медслужбы Овчаренко Н. П., советские граждане, бывшие заключённые в концлагере, Тихонович А. М., Калинин А. М., Кузнецов К. Н., Анискевич К., Деденин Н. И.,— составили настоящий акт о чудовищных зверствах белофиннов над мирным населением.

Советские люди были согнаны в концентрационные лагери. В отдельном концлагере № 8 (совхоз «Ильинское») было заключено около 700 человек советских граждан, из которых 70% погибли от голодной смерти, побоев и издевательств. Лагерь был обнесён высоким забором из колючей проволоки. В нём был установлен палаческий режим. За ворота лагеря никого не выпускали, а кто осмеливался выйти, того финские палачи расстреливали без предупреждения.

Советские люди, находившиеся в лагере, работали по 16 часов в сутки, получая 100—125 *г* хлеба в день, а деньгами трудоспособный мужчина получал столько, что нехватало на две коробки спичек. Белофинны выгоняли на работу детей и нетрудоспособных стариков, а тех, кто не мог работать, финны избивали до смерти. Так был замучен 70-летний старик Анискевич Ю. Ю., Якубовский С. И., Смолонский И. и много других. Анискевич М. И. по беременности не могла выйти на работу, за что была избита белофиннами до полусмерти. Это вызвало у неё преждевременные роды с последующими тяжёлыми осложнениями. Подобных случаев было очень много. Ежедневно на протяжении всех лет оккупации в дождь, вьюгу, мороз всё население лагеря выгоняли на работу, несмотря на то, что 70% из них не имели тёплой одежды и обуви. Советские люди обмораживали ноги, руки, уши. 35% жителей лагеря имели обмороживания II—III степени. Многие из них погибли.

За невыполнение приказаний палачей, а то и просто без всякой причины жители лагеря подвергались телесным наказаниям плетью со свинцовым наконечником. Наказаниям плетью подвергались и дети, например, Шевчин Петр, 7 лет, Бальцевич М., 11 лет, Маковская Катя, 9 лет.

В лагере были специально назначены финскими властями палачи: Кахтинен, Лаури, Микко, Ипатте Алексей. Они избивали и расстреливали советских людей, которых администрация лагеря подозревала в том, что они наме-

ревались бежать из лагеря. Расстреливали без следствия и суда. Так был расстрелян инженер-прораб технического участка Свирь-3 Елисеев В. С. Его отвели на 50 метров от лагеря, заставили вырыть яму для себя, а потом расстреляли. Так же поступили финские палачи с гражданином Инженеровым П. Ф., жителем г. Ленинграда, Двадцатовым Семёном, уроженцем Новосибирской области, и десятками других. Многие не выдерживали адского режима в концлагере и кончали самоубийством. Учитель Кондужской начальной школы Лодейнопольского района Шамарин Н. О. не вынес издевательств белофиннов и покончил жизнь самоубийством. В письме, написанном перед смертью жене, которая находится в Москве, он писал: «Жизнь весьма тяжёлая, перенести все эти мучения не в моих силах». Финские изверги пытали советских граждан, сажали в карцер на голодный паёк и пр. В лагере советские люди умирали от болезней. Медпомощи не было. 26 июня 1944 г. за несколько часов до прихода Красной Армии в лагере были зверски замучены Кабачников В., Парфиненко И. К., Голубев Н., Ларионов А., Сахаров Анатолий — в возрасте от 17 до 19 лет. Медицинской экспертизой установлено, что указанные лица подвергались перед смертью нечеловеческим пыткам. Садистами нанесено много ранений при помощи ножа-финки: обрезаны уши, нос, нанесены ранения в голову.

(Подписи.)

ВИДЛИЦКИЙ И КИНДОСОВСКИЙ ЛАГЕРИ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Александры Антиповой.

«Оккупировав г. Петрозаводск, финны всё русское население согнали в концлагери и тюрьмы, опутав весь город проволокой. Они создали для населения невыносимые условия, морили голодом. Изголодавшиеся люди, нарушая предписание финнов, иногда уходили из лагерей в поисках куска хлеба. За этот кусок хлеба финны брали с женщин и девушек всё, что хотели. Когда же эти «нарушители» возвращались из города в лагерь, их наказывали — сажали в холодную будку, били плетью. Девушка Валя Коссова уходила несколько раз в город. Её сажали в холодную будку больше 5 раз. Девушка Зоя Д. и её

подруга Нюра за самовольный уход в город в поисках пищи получили по 180 ударов плетью, их без сознания вытащили на улицу и хотели заставить работать, но работать они не могли. Тогда их бросили на улице, где они пролежали весь день, после чего их обратно втащили в будку. Позднее этих девушек отправили в дом терпимости. Не знаю, живы сейчас они или нет.

Когда финны взяли город, небольшой их гарнизон остановился в совхозе № 1 (близ дома отдыха «Пески»). Там на берегу по соседству жили старушка и девушка. Финны стали приставать к этой девушке, стучаться в окна. Но девушка закрыла на замок двери, и финны к ней зайти не могли. Тогда они забрались к 60-летней бабушке и изнасиловали её.

Ещё был один случай во втором лагере, в том доме, где я жила. Комендант лагеря ночью пришёл к одной девушке — это была учительница Зина Александрова, стал проситься к ней спать и, получив отказ, стащил её с кровати и избил ногами. Да, страшно было жить в лагере.

Летом 1942 г. весь политический состав лагеря финны отвезли в концлагерь Видлицы, Олонецкого района, куда попали и мы с подругой. Поселили нас там в бараки, где не было ни окон, ни дверей, а в стенах зияли такие щели, что можно было просунуть голову. Печки в бараке не было.

В видлицком концлагере вместе с нами сидел инженер Драгунов со Свири. Однажды во время работы по сплаву леса его отозвали от бассейна и тут же на глазах у всех жестоко расправились с ним. Грудь его изрезали ножом, а затем расстреляли. Советским «пленным» велели зарыть его.

Второй случай был с мальчиком. Этот мальчик работал с нами вместе в больнице, питания нехватало, и он ходил просить в деревню. Однажды утром все пошли на развод, а он хотел через забор уйти в деревню. Тогда комендант застрелил его около этого забора и бросил под пень. Таких случаев в этом лагере было много. За каждую мелочь били. 22 октября нас перевезли в Кондосовский концлагерь при тюрьме. В этом лагере стало ещё хуже. На работу сначала не пускали, питание было очень плохое — варили баланду: немножко замутят воду и всё. Мужчины сразу стали опухать. Голодные, оборванные, босые выгонялись на развод, когда уже был снег, а затем их оставляли лежать целый день на земле, пока не кончится работа. Мужчинам не давали даже воды сколько нужно. Я один раз видела, как мужчина пошёл за водой,

у него часовой выхватил кадку, бросил в канаву, а самого избил. Телесные наказания продолжались до самого освобождения нас Красной Армией.

Антипина Александра,
г. Петрозаводск, 6 июля 1944 г.».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АКТОВ И ПОКАЗАНИЙ

11 октября 1942 г. Мы, нижеподписавшиеся, граждане посёлка Погорелое-Городище, Погорельского района, Калининской области, Лещагин Константин Николаевич, Вихоров Василий Иванович, плотник Васитенков Николай Иванович, часовых дел мастер Зайцев Борис Михайлович, бывший бухгалтер райсоюза Барышников Фёдор Сергеевич, портной Махровский Дмитрий Николаевич, бывший бухгалтер конторы Заготскот Соколов Иван Яковлевич, составили настоящий акт о зверствах белофиннов в период временной оккупации немцами Погорелого-Городища. Проживая на территории, занимаемой немцами и финнами, мы были свидетелями, как белофинны издевались над русским народом.

В марте 1942 г. эвакуированная из Погорелого учительница, 18 лет, Белозёрова Любовь Ивановна возвратилась обратно в свой дом, чтобы вырыть из снега продукты и вещи, но была замечена финским солдатом, который отнял у нее всё. Тогда Белозёрова стала умолять финского солдата возвратить вещи. В ответ на просьбы мародёр вынул кинжал и зверски зарезал учительницу, нанеся ей две раны в горло.

28 апреля 1942 г. на территории совхоза «Вахново» карательным отрядом белофиннов во главе с офицером были зверски расстреляны и сожжены 24 советских гражданина, в том числе семья Гулимовой Натальи (3 человека), Николаева Петра (2 человека), Батурина (4 человека), Поповой Зинаиды (3 человека), Козлова Александра (3 человека), двое детей бывшей работницы почты, двое неизвестных детей и др.

Очевидец расстрела Махровский Дмитрий Николаевич, 55 лет, в настоящее время проживает в Погорелом-Городище.

В первых числах марта 1942 г. был расстрелян старик Филиппов Иван Филиппович. Узнав, что сын Филиппова служит в Красной Армии политруком, унтер-офицер

финской армии пустил очередь из автомата и пересек туловище старика пополам.

Меншутина А. В., 72 лет, бывшего сторожа МТС, двое финских солдат перекрутили колючей проволокой и, протащив волоком 500—600 *м*, расстреляли из пистолета.

Гражданка Поликарпова Мария Ивановна, 50 лет, за отказ эвакуироваться была расстреляна белофиннами, её труп был выброшен на улицу.

(Подписи.)

В акте, составленном 12 октября 1942 г., за подписями граждан деревни Ильинское, Бурцевского сельсовета, Погорельского района, Калининской области, Бакланова Н. Е., Сизиковой Л. Н., Коськовой А. Д., Сизиковой Е. Н., Крыловой М. В. и Червяковой Н. Н., говорится:

«В мае 1942 г. в нашу деревню прибыли шесть головорезов из финского карательного отряда, которые расстреляли ни в чем неповинных жителей нашей деревни: Червякова Анатолия Петровича, 15 лет, Сизикову Аксинью Семёновну, 45 лет, Червякова Ивана Григорьевича, 55 лет, и Червякова Алексея Ивановича, 15 лет.

Учинили эту страшную расправу они в присутствии всех жителей деревни; перед расстрелом избивали обречённых плетьми».

Гражданин посёлка Погорелое-Городище Барышников Ф. С. показал:

«В деревне Добрино, Бурцевского сельсовета, Погорельского района, Калининской области, были зверски расстреляны карательным отрядом финнов граждане Бакланов Осип и его дочь Зоя 15 лет. Финны поймали Баклановых на дороге из деревни Добрино в деревню Чайниково, куда они отправились, чтобы найти себе кусок хлеба. Расстрел был произведён публично в деревне, около колодца».

Егорова А. И., проживающая г. Петрозаводск, Большая Подгорная улица, д. 30б, показала:

«В 1941 г. по сложившимся обстоятельствам я не могла эвакуироваться в тыловые районы и осталась на оккупированной белофиннами территории КФССР. Примерно через год белофинские оккупанты бросили меня в тюрьму, как «политически неблагонадёжную» личность, и начиная с ноября 1942 г. по 24 июня 1944 г. держали

меня в Киндосовской тюрьме. В Киндосовской тюрьме находилось в среднем до 300 человек арестованных советских людей. Люди были размещены очень скученно, в камерах всегда были непролазная грязь и невыносимое зловоние, масса клопов и вшивость, что считалось обычным явлением. Кормили очень плохо, а работать заставляли по 10—12 часов на лесозаготовках. Если даже человек был серьёзно болен, всё равно его выгоняли на работу, а помощники начальника тюрьмы Ковала и Сихвонен били таких людей палками, при этом кричали: «Вот вам здесь лекарство». Издевательства и избиения заключённых были любимым занятием всей охраны тюрьмы. Я была очевидцем, как за попытку совершить побег били заключённых советских людей Матвеева и Жданова до потери сознания, затем обливали холодной водой и вновь били. После такого избиения Матвеев и Жданов в течение двух недель не могли подняться с коек. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключённых не били. Особыми зверствами и изощрёнными методами издевательств отличались начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержант Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключённых, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму».

ПОКАЗАНИЯ ФИНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Из показаний финского военнопленного 2-й роты отдельного батальона младшего сержанта Вийтола Илмари, захваченного в плен 4 июля 1944 г. в районе Палоярви.

«Комендантом Петрозаводска был издан приказ, которым запрещалось финским солдатам и офицерам общаться с русским населением. Всё население города было загнано в концлагери. В Петрозаводске было шесть концлагерей для гражданского русского населения.

В лагере № 5, который размещался в погрангородке, недалеко от вокзала, находились мальчики и девочки 12—15 лет. В августе или в сентябре 1943 г. в этом лагере было расстреляно несколько детей. Финские власти объявили, что расстрел был произведён «при попытке к бегству». Условия для детей были кошмарные, их заставляли работать насильно, никто не лечил их, кормили исключительно плохо. В лагере свирепствовал тиф, в результате которого погибло много детей. В лагере № 3, который раз-

мещался в здании лыжной фабрики, находились женщины с грудными детьми. Условия для заключённых были созданы исключительно тяжёлые. Среди детей и женщин был большой процент смертности. В лагере № 2, который помещался в студгородке, сидели дети, женщины и старики. Все лагери были обнесены колючей проволокой, высотой до 3 метров.

В район лагеря № 3 из квартир, где жили русские, свозилась вся мебель, ломалась и сваливалась в одну кучу. Это было сделано для того, чтобы показать заключённым, как финны обращаются с их имуществом. Все ценные вещи: одежда, обувь, пианино и рояли — отправлялись в Финляндию.

Начальником военной полиции Петрозаводска был лейтенант Кантонен, 30—35 лет. Он очень жестоко обращался с русским населением. Я его знал лично. Все грабежи в квартирах русских и вывоз вещей в Финляндию делались по его прямым приказаниям».

Солдат Мякинен Пентти из 101 пп, добровольно сдавшийся в плен 4 июня 1943 г., показал:

«В Петрозаводске были построены лагери для мирного населения. Один лагерь находился в бараках севернее вокзала, второй лагерь — в районе «Неглинка», третий лагерь — на высоте южнее Куковки. Арестованные исполняли тяжёлую работу. Я видел, как из лагеря Куковка каждое воскресенье провозили на кладбище длинные обозы с трупами. Однажды я насчитал до 200 трупов».

Солдат 2-й роты, бригады самокатчиков дивизии Лагуса, Войне Унтопуро показал:

«В Олонце я видел десятки арестованных советских граждан — русских и карел. Для них в центре Олонца устроили концлагерь, оцеплённый колючей проволокой. Жизнь в этом лагере такая же, как и в других: побои, голод, холод и каторжные работы. Когда мы вступили в село Ладва, то солдаты 3-й роты нашего батальона арестовали всех жителей, русских и карел, загнали их в одну большую избу и там держали. Что потом случилось с жителями — я не знаю».

Финский солдат Армас Аксель Хайнонен из 9-ой роты 4-го пехотного полка 5-й пехотной дивизии заявил:

«Я был в заключении в финской тюрьме восемь с половиной месяцев — с мая 1943 г. по март 1944 г. Тюрьма

находилась в Советской Карелии, в 12 *км* от Пряжи. Финны называли район тюрьмы «Киннасваара».

В тюрьме содержали, примерно, триста человек русских военнопленных и советских граждан, в том числе 75 женщин. Я могу заявить, что в тюрьме с заключёнными обращались ужасно. От недоедания заключённые были истощены так, что они не могли не только работать, но и ходить. Несмотря на это, их гнали на работу. Тех заключённых, которые не были в состоянии ходить на работу — охранники избивали палками, расстреливали. Старший сержант Ковала расстрелял не менее 30 военнопленных и советских граждан. Младший сержант Силталоппи каждый день избивал заключённых, пинал безжалостно сапогами и бил палкой. Так же обращались с заключёнными солдаты Хукканен и Хирвикуоппа. Руководитель тюрьмы лейтенант Тойвонеть сказал охранникам, что русских заключённых можно бить и расстреливать».

Показание финского солдата-санитара 1-ой роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса Вихло Кургила о злодеяниях финской армии и в частности личного состава дивизии Лагуса, совершённых ими в г. Петрозаводске и в селе Ладва.

«Я, солдат-санитар 1-ой роты 2-го батальона бронетанковой дивизии Лагуса, Вилхо Кургила, могу рассказать о положении гражданского населения в оккупированных финской армией районах следующее: будучи в марте 1942 г. в Петрозаводске, я узнал, что большинство оставшихся жителей было заключено в концентрационные лагери. Мне часто приходилось видеть, как их конвоиры с винтовками водили на работы в город. Они выполняли работы по очистке и восстановлению города, в частности здания типографии, а также работали по заготовке дров. В лагерях я видел женщин, подростков, начиная с 12-летних, в каждой партии были также пожилые мужчины. Это гражданское население было плохо одето. Я не знаю, как живут пленные в самих лагерях, но дети рылись в помойках и искали объедки пищи, просили хлеба. Из этого можно заключить, что положение с питанием в лагерях было очень тяжёлое.

Небольшая часть гражданского населения г. Петрозаводска, которая жила вне лагеря, была вынуждена подчиняться постановлениям военного времени. Движение по городу разрешалось только с 7 часов утра и до 10 часов

вечера. Кто не выполнял этих постановлений, попадал в «кутузку», и им приходилось иметь дело с комендантом города.

В деревне Ладва я был после того, как она была занята нашими войсками. Я видел, как солдаты вели захваченных пленных. С ними шло также и гражданское население, которому было приказано покинуть деревню и отправиться в тыл. Гражданское население, которое шло мне навстречу, жаловалось, что подразделения солдат, которые ворвались в деревню первыми, отобрали и зарезали у крестьян свиней, кур и даже коров. Первыми пришла в деревню 3 рота нашего 2-го батальона. После, уже в Петрозаводске, я слышал, как некий младший сержант Икола хвастался, как он стрелял кур во дворах, хотя на верхнем этаже, куда летели пули, жили мирные жители. Ни командир батальона, ни командир роты Сааринен не наказывали ребят за эти безобразия, совершённые в отношении гражданского населения.

Солдат-санитар 1-й роты 2-го батальона бригады самокатчиков бронетанковой дивизии Лагуса *В. Кургила».*

Показание военнопленного младшего сержанта из бронедивизии Лагуса Эркки Похьянпиха о злодеяниях финских солдат в г. Кондопоге.

«Я, младший сержант Эркки Похьянпиха, служивший в бронедивизии Лагуса за время пребывания в городе Кондопога, могу рассказать следующее:

Прибыв в качестве пополнения в сентябре 1943 г. в дивизию Лагуса, я был назначен в пулемётную роту, где слушал много рассказов на тему об издевательствах над населением.

Например, сержант Кеттунен рассказал, как егеря Лагуса ходили в дома гражданского населения и в пьяном виде пугали мирное население и издевались над ним. Они бросали в дома, где жило гражданское население, учебные ручные гранаты. Люди в ужасе выбегали из домов. Из других фактов могу отметить ещё следующее. В Кондопоге было много каменных домов, которые были слегка повреждены, но которые могли быть легко отремонтированы. Эти дома финны взорвали и разобрали, а кирпичи куда-то увезли.

От своих товарищей я слышал такие разговоры: «Если бы из нас, егерей бронедивизии Лагуса, кто попал в плен к русским, то нам там пришлось бы плохо». Они

знали, какой плохой репутацией пользуется дивизия Лагуса у русских.

Подписал: младший сержант *Похьянпиха Эркки.* 26 июля 1944 г.».

Пленный финский солдат Ахо Суло Иоганнес из 2-го отдельного батальона береговой обороны показал:

«Финские военные власти держат жителей деревень, расположенных на западном берегу Падмозеро и южнее его, на положении заключённых и в принудительном порядке заставляют выполнять тяжёлые работы. Всё лето и осень истекшего года население работало на полях, урожай с которых был целиком реквизирован для финской армии. В деревне Мустола находилось подсобное хозяйство нашего 2-го батальона. Ему было передано около 80 голов скота, отобранного у местного населения. Местных жителей принуждали работать в этом хозяйстве, которым заведывал сержант-шюцкоровец. Об его жестоком обращении с населением мне много рассказывали. Так, например, мне известно, что он систематически избивал подростков за то, что они не в силах были выполнять установленную им норму выработки.

В течение лета 1943 г. было согнано свыше 200 человек, главным образом подростков, из ближайших деревень на строительство дороги в районе Толбуя и пристани Шитики. Все эти люди работали под охраной финских солдат как заключённые. Мы часто видели, как женщины и дети, бледные и исхудавшие, просили хлеба у солдат.

Офицеры и солдаты, несущие охрану, чувствовали себя полными хозяевами. Ими было изнасиловано много местных девушек».

Солдат 101-го финского пехотного полка Мойланен Арне-Энсио рассказал:

«Разведывательно-диверсионный отряд, участником которого я являлся, поджёг деревню Койкауты... Женщины бежали нам навстречу и просили не расстреливать их. Мы изнасиловали некоторых из них и расстреляли всех. Никого не оставили. У меня в памяти осталась красивая девочка, которую мы с товарищем изнасиловали, а после расстреляли».

III

ФИНСКИЕ МЕРЗАВЦЫ ЗВЕРСКИ УБИВАЮТ РАНЕНЫХ ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Ряд документов и показаний многочисленных свидетелей, в том числе пленных военнослужащих финской армии, с неопровержимой очевидностью доказывают, что финско-фашистские выродки в жгучей ненависти к советскому народу зверски истязают и убивают после боёв попавших к ним в плен раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Часть этих документов и показаний помещена в этом сборнике.

А К Т

1942 г., февраля 20 дня. Мы, нижеподписавшиеся, военврач 3-го ранга Голынский, военврач 3-го ранга Педарян, младший политрук Бестолов, старшина Бочкарев, санитар Жуков, красноармеец Босенко, военфельдшер Рябов, обследовав трупы зверски замученных белофинскими бандитами бойцов Красной Армии, констатируем следующее:

1) На трупе краснофлотца Кулешева: обрезано правое ухо, в области лица следы ударов прикладом и ряд штыковых ран, правая нога вывернута в колене и тазобедренном суставе.

2) На трупе краснофлотца Зива: обожжены кожные покровы лица, усы и борода, в области правого глаза больших размеров кровоподтёк, на левом виске имеется ранение, нанесённое холодным оружием.

3) На трупе красноармейца Кривулина: в области правой сонной артерии рана, нанесённая холодным оружием — вскрыта сонная артерия, перелом ключицы, ряд

ранений на правом плече, верхнее веко левого глаза вырезано, повреждён глаз.

4) На трупе красноармейца Баранова: в области грудной клетки свыше 6 штыковых ран, на обоих пятках крестообразные ранения, нанесённые холодным оружием.

(Подписи.)

А К Т

от 14 мая 1942 г. Мы, нижеподписавшиеся, командир батальона капитан Власенко, военком — старший политрук Дворцов, зам. комбата — старший лейтенант Гацула, лейтенант Морголин, красноармейцы Брашкин, Тюрин, Юдин, составили настоящий акт в том, что 14 мая 1942 г. в районе расположения нашей части нами был обнаружен труп зверски замученного командира РККА (фамилия невыяснена). Германо-финские звери отрезали командиру уши, нос, губы и половой орган, выкололи глаза, нанесли три ножевых раны, две раны около ушей и одну в правый висок; обмундирование снято.

(Подписи.)

А К Т

12 ноября 1942 г. Мы, нижеподписавшиеся, капитан Сугробов Василий Иванович, капитан Няттиев Иван Петрович, фотокорреспондент армейской газеты «Во славу Родины», воентехник 2-го ранга Петров Александр Николаевич, военфельдшер Самущенко Павел Потапович, красноармеец Курбатов Пётр Елисеевич, составили акт о нижеследующем:

11 ноября 1942 г. около населённого пункта Заозерье Подпорожского района Ленинградской области после взятия нашей частью финских траншей нами были обнаружены два трупа красноармейцев Н-ской части, подвергнутых зверским издевательствам со стороны финских белобандитов.

При осмотре трупов личности установить не удалось, но установили, что оба красноармейца, будучи тяжело ранены, были захвачены белофиннами и подвергнуты пыткам. У красноармейцев распороты животы, выломаны руки, выколоты глаза. Бойцы были облиты горючей жидкостью и подожжены.

Чтобы скрыть следы бандитских зверств, оба красноармейца были брошены в нишу, а вход в нишу засыпан землёй.

В чём и составлен настоящий акт.

(Подписи.)

А К Т

Мы, бойцы и командиры Н-ской части—зам. политрука Юницын П. Н., военфельдшер Хамитов З. Х., красноармейцы Ребриков и Захаров, 19 июля с. г. составили настоящий акт о нижеследующем:

18 июля 1942 г. на высоте 140,5, в неравном бою геройчески погибли наши красноармейцы — 12 человек. Белофинские бандиты, занявшие на несколько часов высоту, в бессильной злобе зверски надругались над трупами наших товарищей. Красноармейцы Ситкин И. А., Зайцев И. М., Попов Г. Д. и Михеев В. М. исколоты штыками, изрезаны финками, избиты прикладами. У красноармейца Кокорина П. В. бандиты вырезали на лице звёзду, отрезали левое ухо; красноармейцу Сергину В. О. выкололи глаза, обрезали уши, вспороли живот.

Всё это мы видели своими собственными глазами. Кровь стынет в жилах от этих издевательств. Советский народ никогда не простит фашистам этих зверств. Мы будем беспощадно мстить врагам нашей родины за погибших товарищей, мы будем драться так, как дрались они, не щадя своей жизни.

(Подписи.)

А К Т

1 апреля 1942 г. Мы, нижеподписавшиеся, политрук Туманов, военврач 3-го ранга Веримов, младший сержант Логинов, составили настоящий акт в том, что на территории боевого охранения обнаружено 9 трупов бойцов и командиров, погибших 31 марта во время налёта белофинской банды.

Осмотром установлено, что бандиты нагло надругались над телами героев — красноармейцев и командиров, стойко, до последнего дыхания защищавших родную землю. Труп командира боевого охранения Петрова Григория Петровича зверски истерзан: отрублена голова, сломаны ноги и руки, на спине и руках ножом вырезаны кресты. Отступая, финны облили труп Петрова горючей смесью и подожгли. Надругались бандиты и над трупом старшего

На лице раненого красноармейца П. В. Кокорина финские мерзавцы вырезали пятиконечную звезду, а затем убили его

У раненого красноармейца В. О. Сергина финны выкололи глаза и зверски замучили его

лейтенанта Сумрякова Александра Григорьевича. Тело командира истерзано и изрублено на куски.

С лютой звериной злобой бандиты издевались и над трупами старшего сержанта Цветкова, младшего сержанта Худякова, красноармейцев Головченко, Герасимова, Перевозчикова, Колидуй, Чугунова. У погибших головы пробиты прикладами, лица и тела исколоты штыками и изрезаны ножами.

(Подписи.)

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в следующем:

18 января 1944 г. наши подразделения вели бой с белофиннами. На следующий день, 19 января, мы прибыли на место боя, где обнаружили труп красноармейца одного из наших подразделений.

При осмотре трупа нами обнаружены следы диких издевательств, совершённых маннергеймовцами над советским бойцом. Голова красноармейца отрезана ножом и унесена белофиннами, фуфайка и гимнастёрка заворочены кверху и на правой стороне груди кожа вместе с мышцами вырезана до самых рёбер. Документов на трупе не обнаружено, карманы вырваны.

Акт подписали: лейтенант *А. А. Благовещенский,*
красноармейцы *В. Я. Зуев, В. М. Лизенко.*

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся, старший лейтенант Гришичев Василий Павлович, старший сержант Рябцев Александр Сергеевич, сержант Крылов Константин Никанорович, красноармейцы Фальков Давид Зельманович, Миронов Иван Иванович — полевая почта 86687 — П, составили настоящий акт о нижеследующем:

15 июня 1944 г. на оставленной финскими захватчиками под ударами Красной Армии территории нами обнаружены в лесу у населённого пункта Матилла, по грунтовой дороге вправо, восточнее на 200 *м,* три трупа советских воинов. Указанные советские воины были захвачены финскими бандитами в плен ранеными и жестоко замучены.

Один труп найден сожжённым, на левой руке вырезана звезда, на обеих ногах вырезаны полосы. У трупа найдены остатки советского офицерского погона. Второй — труп санитара (на руке повязка красного креста), убитого ударами тупого предмета, голова и лицо окровавлены. Третий боец после издевательств и мучений был застрелен разрывной пулей в лоб. Документов у трупов не обнаружено. У одного трупа найдено неотправленное письмо на имя Конкина Александра Дмитриевича из Рязанской области, Троекуровского района, станция Троекурово, Васельского сельсовета, деревня Зорино.

(Подписи.)

А К Т

28 июня 1944 г. деревня Пуско-Сельга Олонецкого района. Мы, нижеподписавшиеся, гвардии капитан Васильев, гвардии младший лейтенант Меджибовский, гвардии старшие лейтенанты Савиных и Васьков, гвардии капитан медицинской службы Туманов, составили настоящий акт о зверствах белофиннов над ранеными красноармейцами.

28 июня 1944 г. у деревни Пуско-Сельга на группу раненых красноармейцев напали финны. Они зверски издевались над ранеными, нанося удары ножом по лицу, голове, разбивая головы прикладами и топорами. Таким образом финны умертвили более 70 раненых бойцов и офицеров. У гвардии лейтенанта Сыч череп расколот надвое и выколоты глаза, у гвардии рядового Князева пять штыковых ран на лице, у гвардии сержанта Артемова изрезано лицо бритвой, вывернуты руки назад; один раненый был облит бензином и обожжён, труп его опознать нельзя.

(Подписи.)

А К Т

25 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся, майор Есипов, майор Здановский, младший лейтенант медицинской службы Корчипальцев, красноармеец Борисков, красноармеец Курашов, составили настоящий акт о зверствах финских захватчиков над ранеными красноармейцами и младшими командирами.

Установили: сержанту Семёнову, младшему сержанту Бондину нанесены ножевые ранения в грудную клет-

ку, у сержанта Дорофешина обрезаны два пальца левой руки, у красноармейца Румянцева оторваны половые органы. Остальным 10 человекам нанесены пулевые ранения в череп, в живот, в область таза и в большинстве в грудную клетку. О чём и составили настоящий акт.

(Подписи.)

А К Т

18 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся члены комиссии: майор медицинской службы Беляков, капитан Орлов, лейтенант медицинской службы Кобановский, лейтенант медицинской службы Кисленко, капитан Винокуров, составили настоящий акт о зверствах белофинских бандитов.

18 июня с. г. в районе населённого пункта Кауняр-ванкюля (Бовочино) были обнаружены четыре трупа раненых и зверски замученных бойцов и офицеров Красной Армии. Личности и звания замученных удалось установить.

Медицинским осмотром установлено, что белофинны, издеваясь над нашими ранеными бойцами и командирами, применяли чудовищные пытки и истязания.

1. На теле младшего сержанта Самохина Я. М., 1920 г. рождения, обнаружено шесть пулевых ранений в ноги, ножевая рана в половые органы, две колотые ножевые раны в живот, ножевая рана в горло шириной 10 *см,* пять ножевых колотых ран в область сердца.

2. На теле ефрейтора Парфенова, 1918 г. рождения, обнаружены одна ножевая рана в межлопаточную область слева, длина 5 *см,* сквозное пулевое ранение в область лица, к нижним конечностям была привязана взрывчатка, в результате чего оторваны обе конечности и раздроблены ягодицы. Одна из стоп найдена на расстоянии 25 *м* от трупа.

3. Пытая старшего сержанта Козлова, финны отрезали ему нос и прострелили грудь шестью пулями.

4. На теле младшего лейтенанта медицинской службы Александрова обнаружены четыре ножевых раны в живот и грудь, несколько кровоподтёков на спине от нанесения ударов тупым предметом, одна пулевая рана ноги и одна пулевая сквозная рана головы.

О чём и составили настоящий акт.

(Подписи.)

А К Т

Деревня Пуско-Сельга. 1944 г. июля 10 дня. Мы, нижеподписавшиеся граждане деревни Пуско-Сельга, Ведлозерского района КФССР и майор медицинской службы профессор патологической анатомии Браул Я. В., гвардии старший лейтенант Никаноров П. Д., на основании данных обследования 71 трупа гвардейцев Н-ского гвардейского Стрелкового полка, убитых в лесу в одном километре западнее деревни Пуско-Сельга, составили нижеследующий акт в том: что раненые гвардейцы, оставшиеся на поле боя, имевшего место в одном километре западнее деревни Пуско-Сельга 28 июня 1944 г., были подвергнуты финскими солдатами и офицерами 2-го батальона 4-го пехотного полка 8-й финской пехотной дивизии зверскому умерщвлению.

Всего было умерщвлено финскими бандитами 41 раненый гвардеец. Умерщвление производилось следующим образом:

24 раненые гвардейца умерщвлены размозжением черепа и мозга многократными ударами ружейного приклада, 7 раненым нанесены смертельные ножевые ранения в сердце, 3 гвардейцам размозжён лицевой череп многократными ударами ружейного приклада, 3 гвардейца умерщвлены ножевыми ранениями грудной клетки и лёгких, 1 раненый умерщвлён путём нанесения ножевой раны в брюшную полость, в одном случае имело место надругательство над уже умершим с нанесением ему ножевой раны в грудную клетку.

На основании имеющихся данных виновными в перечисленных зверствах считаем финских солдат и офицеров 2-го батальона 4-го пехотного полка 8-й финской пехотной дивизии.

(Подписи.)

А К Т

Действующая армия. 1944 г. июня 30 дня. Мы, нижеподписавшиеся, зам. командира батальона по политчасти майор Шматов, капитан Зведарёв И. Д., военфельдшер младший лейтенант медицинской службы Литвак С. М., младший сержант Шилов Г., ефрейтор Рогачёв, составили настоящий акт о нижеследующем:

В 2 *км* северо-западнее Видлицы в лесу было обнаружено 7 советских бойцов, подвергшихся пыткам и издевательствам со стороны белофинских захватчиков, выразив-

шимся в нанесении ран холодным и огнестрельным оружием.

Комиссия установила следующее:

1) У двух бойцов были выколоты глаза холодным оружием.

2) У двух бойцов размозжены черепа холодным оружием — штыком и прикладом.

3) В одного бойца произведён выстрел в упор в область затылка огнестрельным оружием разрывной пулей.

4) Одному бойцу нанесены раны в упор огнестрельным оружием, две пули в область сердца, две пули в рот и переносицу и одна пуля в лоб.

5) У одного бойца ударом приклада в затылок размозжён череп. Все эти изувеченные трупы раздеты и разуты белофинскими бандитами.

Фамилии пяти трупов установить не удалось. Установлены две следующие фамилии:

1) старшего сержанта Абрамова Андрея Павловича,

2) ефрейтора Папенкова Александра Сергеевича.

Оба красноармейца — полевая почта — 26564.

О чём и составлен настоящий акт.

(Подписи.)

А К Т

28 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся, капитан Похлебаев В. Ф., капитан Роговец Л. Г., старшие сержанты Харыкин Н. Н., Шахматов В. И., сержант Харитонов П. П., младший сержант Тепленко, ефрейтор Денисов Т. И., составили настоящий акт о чудовищных зверствах белофинских захватчиков над воинами Красной Армии.

28 июня 1944 г. по освобождении Красной Армией временно оккупированной территории в районе деревни Вторая Кумса Медвежьегорского района Карело-Финской ССР нами обнаружено близ дороги 6 (шесть) изуродованных трупов красноармейцев. Все красноармейцы перенесли нечеловеческие пытки: переломаны руки, пробита грудная клетка, все разуты и раздеты, все тела окровавлены. После пыток пятерых красноармейцев белофинны расстреляли, у шестого отрублена правая рука, размозжена голова, левая рука разрублена в двух местах.

Наш ответ на эти зверства будет один: беспощадно будем уничтожать потерявших человеческий облик белофинских захватчиков, мстить и мстить без конца. Смерть немецко-белофинским захватчикам!

(Подписи.)

ВЫПИСКИ ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

Группа разведчиков Н-ской части в глубоком тылу врага обнаружила 11 трупов красноармейцев, зверски замученных белофиннами. У некоторых красноармейцев выжжены глаза, изрезаны лица, в уши продета проволока, а у одного убитого красноармейца вырезан язык и в рот забит кусок железа.

На берегу озера Охтозеро найден труп красноармейца, зверски изуродованного фашистами. У красноармейца отрезаны уши, выколоты глаза, вырезаны губы и нос. (Донесение от 25 сентября 1941 г.)

Командир отделения Сидоров попал в плен к белофиннам. Фашистские офицеры несколько раз допрашивали Сидорова, добиваясь от него сведений о Красной Армии. Когда Сидоров категорически отказался отвечать на вопросы, его подвергли пыткам. Фашистские звери отрезали Сидорову уши и приказали его расстрелять. В тот момент, когда белофинский солдат вёл Сидорова на расстрел, появилась группа советских самолётов, которая подвергла бомбардировке расположение белофиннов. В лагере врага поднялась паника. Воспользовавшись замешательством, Сидоров обезоружил конвойного солдата, заколол его штыком и бежал к своим. (Донесение от 29 сентября 1941 г.)

На Ухтинском направлении, на занятой нашими частями высоте 130,2, были обнаружены 6 трупов красноармейцев, которые, будучи ранены, зверски замучены белобандитами. У красноармейца Александрова штыком выколоты глаза, выбиты зубы, обрезан язык. Трупы красноармейцев Потемина, Мазепова, Суулина, Мурыгина и Моисеева обезображены штыковыми и ножевыми ранами в голову и лицо. (Донесение от 18 декабря 1941 г.)

По дороге на Габсельга обнаружен труп красноармейца. Расследованием установлено, что красноармеец, будучи ранен, попал к финнам, которые зверски его замучили: связали руки, разбили голову, в рот засунули деревянный клин, разбили губы. Фамилию зверски замученного красноармейца установить не удалось, так как не обнаружено никаких документов, а лицо его изуродовано до неузнаваемости. (Донесение от 20 января 1942 г.)

Против участка обороны Н-ской части обнаружен труп зверски замученного белофиннами красноармейца Фитик Т. З. У красноармейца Фитик отрезан нос, выколоты глаза, отрублена кисть левой руки, вывернуты пальцы правой руки, на грудной клетке и на животе имеются 12 пулевых пробоин, ноги связаны верёвкой. (Донесение от 2 мая 1942 г.)

ПОКАЗАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ФИННОВ

Пленный солдат Вяйнё Неваранта из 21-го отдельного батальона сообщил:

«Наш батальон повёл наступление севернее Медвежьегорска. Во время этого боя попало к нам в плен около 100 красноармейцев. Их повели в тыл. Лейтенант Ниеми оставил раненых красноармейцев при себе, заявив, что их привезут после на подводах. Когда остальные пленные достаточно удалились от этого места, Ниеми стал из револьвера пристреливать раненых красноармейцев. Лично он застрелил 8 человек, остальных велел прикончить одному из автоматчиков. Очевидцами этого были все солдаты нашего взвода».

Повозочный солдат миномётной роты 32-го пехотного полка 3 пехотной дивизии Киннунен Ленне, сдавшийся в плен 27 мая 1942 г., рассказал:

«Когда к нам попали в плен 5 раненых красноармейцев, то, увидев их, пастор сказал: «Им надо дать выстрел милосердия». И через некоторое время мы увидели на этом месте трупы убитых 5 красноармейцев. Солдаты говорили, что с ними расправился какой-то офицер по кличке «Белый».

Солдат Хейсканен Юхо из 3-й пехотной бригады, взятый в плен 15 сентября 1942 г., показал:

«В Петрозаводске навстречу нам шли пленные красноармейцы. Их гнали ударами прикладов. Я видел раненого красноармейца. Один из наших солдат взял автомат и застрелил его на месте».

Солдат Кивиниеми Калле из 101-го пехотного полка, добровольно сдавшийся в плен 11 апреля 1943 г., показал:

«В районе Ряйселя мы нашли раненого красноармейца. У него были прострелены ноги. Солдат Силвениус пристрелил его из винтовки».

Солдат Ройванен Лаури из 22-го отдельного батальона, добровольно сдавшийся в плен 22 мая 1942 г., показал:

«У Медвежьегорска пленных красноармейцев заставили рыть могилы для убитых в бою. Офицер приказал после окончания работы прикончить пленных тут же. Они были все убиты».

Добровольно сдавшийся 14 мая 1942 г. в плен Красной Армии старший сержант пулемётной роты 21-го отдельного батальона Тойво Айянен показал:

«Командир нашего взвода прапорщик Каулио недалеко от Медвежьегорска лично расстрелял всех пленных красноармейцев».

Солдат первого взвода 12-й роты 3-го батальона 56-го пехотного полка Саари Эйно Матиас, взятый в плен 26 мая 1942 г., рассказал:

«В городе Медвежьегорске сержанты Линдстрем, Макеля и Косолайнен расстреляли более 10 пленных красноармейцев, изнасиловали пойманную девушку-санитарку и затем убили её. Все трупы красноармейцев сложили в кучу... Так трупы лежали несколько дней».

Солдат Тойвонвирт Лаури из 3-й пехотной бригады, взятый в плен 11 декабря 1943 г., показал:

«В феврале 1942 г. во время боёв к нам попали в плен красноармейцы. 60 пленных повели по железной дороге, открыли пулемётный огонь и убили их всех. Об этом знают все солдаты 3-й пехотной бригады. Когда я служил в 46-м пехотном полку, во время боёв наш полк захватил в плен 7 красноармейцев, среди них — 2 женщины. По приказанию зам. командира полка полковника Саури после опроса всех захваченных расстреляли».

Пленный Август Лаппетеляйнен, младший сержант медицинской службы 7-ой роты 30-го пехотного полка 7-ой пехотной дивизии финской армии I ППК 3855, заявил:

«25 апреля 1943 г. я вместе с командиром 2-го взвода фельдфебелем Эксо Саболайнен отправились на КП 7-ой

роты, для того чтобы по просьбе командира взвода предложить командиру роты выпить. Командир роты Руссаннен Сеппо обратился ко мне: «Послушайте, младший сержант Лаппетеляйнен, у меня есть для вас задание, а именно, мне нужно достать человеческий череп и вам как медицинскому работнику нужно будет выварить голову, чтобы достать череп». Я ответил: «Да, господин лейтенант, значит надо варить». Затем он сказал: «Об этом деле я сообщу вам позднее».

26 апреля, т. е. через день после этого, командир роты позвонил мне и приказал явиться к нему, захватив с собой топор. Я и явился к нему. Затем командир роты, я и ездовой, солдат Ханнес Саволайнен, отправились на лошади по направлению на север — по участку нашего батальона. Проехали около 2 *км*. Там был расположен опорный пункт Калле, где зимой на жилую землянку совершили нападение русские разведчики. Здесь, около этой землянки, были убиты три красноармейца, их трупы валялись неубранными.

Командир роты сказал мне, что нужно эти трупы осмотреть и проверить головы, установив, у кого из них имеются целые и здоровые зубы. И когда мы с командиром роты осмотрели рты этих трупов, то он нашёл подходящую голову и сказал мне, чтобы я отделил голову от туловища. Я находящимся при мне топором отрубил голову. Затем лейтенант сказал мне: «Возьмите эту голову на лопату, а я её сфотографирую». Голову он сфотографировал своим аппаратом. Затем лейтенант Русаннен сказал мне, что я её должен буду выварить как можно быстрее, чтобы она не испортилась.

До того, как я положил голову в котёл, пришёл лейтенант и ещё раз сфотографировал её.

Закончив всю эту работу, я отнёс череп командиру роты лейтенанту Русаннен.

После этого я видел этот череп на его рабочем столе. А затем в первых числах августа Русаннен поехал в отпуск и взял череп с собой. По рассказам солдат отделения управления Линбала и Рясянен, Русаннен отвёз череп в подарок своей будущей невесте».

Капрал медицинской службы 8-й роты 9-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии Тууре Контканен I ППК 4012 заявил:

«В начале весны, в феврале — марте 1943 г., в землянке зашёл разговор о гибели капрала Тойво Пухакка,

Финские людоеды вываривают «на память» из голов убитых красноармейцев черепа. На снимке: финский лейтенант Олкиуора с черепом красноармейца

и здесь же вспомнили, что осенью 1941 г. в ноябре — декабре месяце, после окончания наступательных действий, лейтенант Имму Сихвонен отрубил голову у трупа одного красноармейца и путём вываривания головы в котле отделил от головы череп, который потом взял себе, как память о войне. Сихвонен был тогда временно командиром 8-й роты. Об этом случае я слышал в вышеуказанное время. Рассказывал об этом младший сержант Хейкки Пиитулайнен. Во время разговора присутствовали и слышали солдат Мякинен Алпо, солдат Тансканен и нижеподписавшийся.

Среди солдат землянки был потом разговор, что этот череп Сихвонен использовал в качестве пепельницы».

IV

ИСТЯЗАНИЯ И ИСТРЕБЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФИНСКИХ ЛАГЕРЯХ

По примеру своих германских хозяев, финско-фашистские палачи истязают советских военнопленных, изнуряют непосильным каторжным трудом, морят голодом, подвергают побоям, пыткам и расстрелам.

Многочисленные показания освобождённых из финских лагерей бывших советских военнопленных, свидетелей-очевидцев, а также пленных военнослужащих финской армии неопровержимо устанавливают, что весь режим финских лагерей представляет собою систему сознательного жестокого истребления советских военнопленных.

В городе Олонце находился основной лагерь (№ 17) для советских военнопленных. Здесь содержались одновременно от 600 до 1 000 человек. Вот что рассказывают о зверствах финских фашистов в этом лагере бывшие советские военнопленные, а также пленные финские военнослужащие.

1. Абрамов Алексей Иванович: «В момент моего пребывания в лагере в сентябре месяце 1942 г. там содержалось под стражей более 800 человек военнопленных.

Исключительно тяжёлые, невыносимые условия установленного в лагере режима и издевательства над советскими военнопленными со стороны администрации и охраны лагеря привели к тому, что смертность военнопленных здесь доходила до 5—6 человек ежесуточно.

Военнопленные, способные выполнять физическую работу, содержались в одном бараке и размещались на трёх-

ярусных нарах. Несмотря на то, что у военнопленных не было никаких личных вещей и предметов (всё отбиралось финнами), в бараке была ужасная теснота, свежего воздуха нехватало, а зимой барак почти не отапливался. Спали на голых досках. Летом обувь изымалась, и военнопленных гоняли на работу по ремонту дорог, на лесозаготовки и другие чёрные работы босыми.

Суточная норма питания для военнопленных состояла из 150 *г* галет, утром и вечером по 0,5 *л* «баланды», изготовленной из нечищенной гнилой картошки или овсяной муки. В эту «баланду» иногда бросали мясо дохлых лошадей.

За малейшую провинность, выразившуюся в ослушании старшины, кого-нибудь из охраны или администрации лагеря, за собирание отбросов возле офицерской кухни, за невыполнение какого-либо приказания в силу физической слабости военнопленные подвергались наказанию, их били плетью или розгами (от 5 до 25 ударов), заставляли стоять с протянутыми в стороны на уровне плеч руками, в каждую из которых вкладывалось по кирпичу, стоять с поднятой над головой жердью и т. п.

Такие условия содержания военнопленных привели к тому, что за период с сентября 1942 г. по май 1943 г. живыми в лагере осталось около 400 человек военнопленных.

Трупы умерших военнопленных на носилках выносили за территорию лагеря и на расстоянии приблизительно 100 *м* от проволочной ограды лагеря сваливали в траншею и зарывали землёй. Таким образом траншея постепенно заполнялась трупами советских военнопленных.

Возле этой траншеи финны производили расстрелы захваченных ими советских разведчиков, трупы которых также зарывали в ней.

В ноябре 1942 г. в лагерь № 17 были заключены захваченные в плен разведчики Звездина, Филиппова, Деляев и Леонтьев, которые после неоднократных избиений в феврале месяце 1943 г. были выведены за ограду лагеря и расстреляны.

В конце марта 1943 г. были расстреляны разведчики Красной Армии Гагарин, Осипов, Григорьев и ещё двое, фамилии которых неизвестны.

На месте расстрелянных разведчиков к апрелю 1943 г. было зарыто более 1 000 человек расстрелянных и зверски замученных советских военнопленных.

В октябре 1942 г. за попытку к побегу из лагеря были

зверски избиты до потери сознания два военнопленных, которые после избиения их были направлены в штрафной лагерь в Финляндию».

2. Агафонов Д. М.: «В лагере военнопленных № 17 режим был зверский, для поддержания зверского режима финны делали следующее: все военнопленные должны были приветствовать офицерский и сержантский состав финской армии; если кто не поприветствовал или приветствовал небрежно на их взгляд, то давали пять ударов плетью, плеть следующая: кабель в палец толщиной обвит восемью ремнями, общая толщина в диаметре получалась до 4 *см*. Помню случай, когда избили военнопленного Козлова Василия осенью 1942 г., так как сержанту Хервонену показалось, что Козлов его приветствовал небрежно. Хервонен приказал Козлову раздеться и лечь в грязь и заставил палача лагеря финского солдата ударить Козлова 5 раз плетью.

Ещё случай был спустя 5—10 дней, когда военнопленного Николая (фамилии не помню) избили также плетью за небрежное приветствие лейтенанта Сойнинен.

Военнопленным запрещали вносить продукты в лагерь. Осенью 1942 г. один военнопленный принёс масла граммов 200, это обнаружил старший сержант Вертане и доложил начальнику, который в наказание заставил всех военнопленных бегать, ползать, ложиться, вставать вокруг лагеря. Военнопленный Подручин был сильно истощён и упал, подошёл лейтенант Сойнинен и ударил Подручина несколько раз рукояткой револьвера, после чего Подручина снесли в госпиталь, где он через неделю умер.

Избивали жестоко, если кого заметят в бараке в головном уборе. От ворот барака военнопленные до ворот вахты (до 100 *м*) должны были ходить только строевым шагом, в противном случае военнопленные подвергались избиению. У военнопленных отнимали все личные вещи: шинель, ботинки и другое. Военнопленные ходили на работу босиком.

За малейшие проступки военнопленных избивали плетью, кулаками, ставили на пень с вытянутыми руками в стороны, заставляли пилить дрова после работы, сажали в тюрьму, где камеры не отоплялись.

Летом 1943 г. по дороге с работы военнопленный Быков стал собирать грибы и отстал от группы. Комендант Сойнинен и охранник Хервонен, встретив Быкова по до-

Советский военнопленный, находившийся в финских лагерях

роге возвращавшимся в лагерь, застрелили его из пистолета.

Летом 1943 г. военнопленный (фамилии не помню) проходил мимо дома Соїнинена и глянул в окно. Соїнинен брился, выскочил и избил этого военнопленного.

Помощник Соїнинена осенью 1943 г. избил до потери сознания военнопленного Коренкова Николая, который после этого 3 дня не мог выходить на работу, за то, что Коренков принёс в барак 0,5 *кг* хлеба, который ему дали на работе.

Зимой 1942 г. избили военнопленного Козлова Николая за то, что он с другим военнопленным обменялся шинелями.

Зимой 1943 г. Хервонен жестоко избил военнопленного Люнимова Николая за то, что тот не хотел отдать ему свои часы «ЗИМ».

Осенью 1943 г. начальник госпиталя Пелконен зашёл в барак выздоравливающих. Когда подали команду «смирно», военнопленный Макаренко Владимир не смог слезть с нар. Пелконен стащил его с нар и стал избивать ногами, после чего у Макаренко получился кровавый понос.

Вследствие зверского отношения и плохого питания в лагере в 1941—1942 гг. умирало ежедневно от 40 до 50 человек».

Бывший советский военнопленный Олонецкого лагеря № 17 — Белан Тимофей Аксенович показал:

«Питание военнопленных было очень плохое. До половины 1942 г. военнопленным выдавали 200—250 *г* хлеба в день, а были дни, когда ничего не выдавали. Выдавали 0,5 *л* баланды — горячей воды с жидко разболтанной мукой или неочищенным картофелем. Сахар выдавали очень редко и в мизерных количествах. Военнопленные были истощены и вследствие недоедания и отёков отдельные военнопленные едва передвигались. Голодные и истощённые искали всякий удобный случай, чтобы поймать собаку, кошку, крысу, лягушку, змею и питаться их мясом. Я лично сам видел, когда военнопленные ели мясо этих животных. Собирали различную траву, отбросы пищи и ели.

Вследствие употребления такой пищи в лагере свирепствовали желудочные заболевания. Если учесть, что никакого медицинского обслуживания не было, то понятно, что многие военнопленные от голода и болезней умирали».

Находившийся в плену у финнов Журбин Пётр Николаевич сообщил:

«За 15 месяцев пребывания в плену у белофиннов я находился в двух лагерях для военнопленных: Свенозерском и Томчукском № 5. В обоих этих лагерях военнопленные были на положении рабов. Работали холодные и голодные по 18 часов в сутки. При непосильном тяжёлом труде выдавалось 150 *г* хлеба и 1 *л* кипячёной воды. Жилые помещения были грязные. В баню военнопленных не водили, бельё не меняли. Больных не лечили, а выбрасывали из помещения на мороз. В лагере не было дня, чтобы кого-нибудь из военнопленных не истязали или же не убивали совсем».

Бывший военнопленный красноармеец Колюпанов Пётр Тимофеевич рассказал:

«Я с 17 августа 1941 г. по 6 января 1942 г. находился в лагере военнопленных в местечке Мандувара. В этом лагере находилось около 700 военнопленных. 6 января 1942 г. при переводе военнопленных из лагеря Мандувара

в другое место проводилась проверка, в результате которой из 700 человек в лагере оказалось лишь 400. Остальные умерли голодной смертью или погибли от зверского обращения. В этом лагере охраной в качестве меры наказания военнопленных применялся мешок с балластом весом в 8 *кг;* наказываемый должен был держать его на вытянутых руках перед собой. В случае, если наказываемый не выдерживал, его забивали насмерть».

Житель села Селян-Наволок Захаров И. Г. рассказал:

«Из 200 военнопленных красноармейцев, пригнанных в лагерь, часть была ранена. Медпомощи раненым никакой не оказывалось. Повязки были из грязных тряпок, раны кровоточили. Кормили пленных нечищенной полусырой картошкой. Галеты выдавали из муки, в которую подмешивали 30% опилок. Спали пленные на голом полу. Пытали их каждый день. За 2 года от пыток, непосильной работы, голода и холода умерло 125 человек из 200.

Оставшихся 75 человек финны угнали с собой. По дороге тех, кто пытался отдохнуть, финны избивали плётками, а тех, которые падали от истощения, финны пристреливали».

Жительница села Селян-Наволок Николаевская М. И. рассказала:

«В марте 1944 г. финны привезли в лагерь группу собак около 50 штук. На другой день финский солдат вывел 2 военнопленных за проволочное заграждение, а второй финский солдат спустил 5 собак, которые набросились на пленных красноармейцев и начали рвать на них одежду; этим несчастным нечем было обороняться, и помочь им было некому. Группа финских солдат наблюдала за происходившим, и все смеялись над тем, как собаки терзали в клочья беспомощных бойцов.

Один красноармеец умер там же за проволокой от ран, нанесённых собаками».

А К Т

Г. Олонец, 26 июня 1944 г. Мы, нижеподписавшиеся: капитан Евсеев В. И., гвардии старший лейтенант Ольман М. И., лейтенант административной службы Ювайнен П. А. и жители г. Олонец КФССР Терентьев Евграф Иванович, Иванов Л. Е., составили настоящий акт о звер-

ствах белофинских захватчиков, учинённых в г. Олонец Карело-Финской ССР.

Захватив в 1941 г. Олонец, белофинские захватчики начали расправу над советско-партийным активом города. Были схвачены и посажены в тюрьму секретарь Олонецкого РК ВЛКСМ Звездина Анастасия Михайловна, председатель Райпотребсоюза Гагарин Василий Андреевич, старший наборщик Олонецкой типографии Осипов Павел Ильич, заведующий почтой Ершов. Тов. Ершов был расстрелян в 1941 г., остальные — весной 1944 г.

Расстрелы производились в районе лагеря военнопленных в яме, причём осуждённых предварительно раздевали донага.

Особо изощрялись белофинские захватчики в издевательстве над советскими военнопленными, которых за малейшие провинности избивали до полусмерти, выстраивали зимой на снегу без обуви, в нижних рубашках. Кормили в лагере так плохо, что многие не могли стоять на ногах, и их вели с работы под руки. В результате непосильного труда, голода и расстрелов в лагере погибло более 2 тыс. советских военнопленных.

Белофинские захватчики за малейшие «провинности» наказывали население розгами. Весь оставшийся колхозный скот белофинские захватчики угнали в Финляндию, а награбленное у местного населения зерно сожгли при отступлении под натиском Красной Армии. Отступая, белофинны разграбили и увезли в Финляндию оборудование местной электростанции, механических мастерских, взорвали все мосты.

Часть трудоспособного населения была угнана в Финляндию для работы у финских кулаков и помещиков.

При оставлении г. Олонец белофинны зверски расстреляли шестерых раненых красноармейцев и троих офицеров.

(Подписи.)

ПОКАЗАНИЯ ФИНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Солдат Вуото Рейно из 101-го пехотного полка, добровольно сдавшийся в плен 26 июля 1943 г., показал:

«Мой брат служил охранником в лагере военнопленных в городе Ханко. Он рассказал, что пленных красноар-

мейцев расстреливают под предлогом, будто они стремятся бежать. Пленных избивают за то, что они собирают остатки пищи в помойных ямах».

Солдат Лааксонен Мартии из 101-го пехотного полка, добровольно сдавшийся в плен 3 сентября 1943 г., показал:

«Мой брат Эйнар Лааксонен, который работал в местечке Вирккула, рассказал, что там 15 пленных красноармейцев умерли от голода, и их закопали в помойную яму в местечке Лохья».

Солдат Таурианнен Оива из 12-го пехотного полка, взятый в плен 20 ноября 1943 г., показал:

«В городе Каяни большой лагерь для военнопленных. Пленных продают крестьянам. Пленных красноармейцев избивают дубинками».

Солдат Ахо Суло из 2-го батальона береговой обороны, взятый в плен 14 января 1944 г., показал:

«Знакомый мне солдат Лаури Ояла рассказал, что зимой в 1941/42 г. пленные красноармейцы работали при 40-градусном морозе без рукавиц и одетые очень плохо. Я видел, как часовой избил пленного красноармейца за то, что он грел руки во время колки дров. Солдат Маури Миккеля рассказал, что, будучи в госпитале Элисанваара, видел пленных красноармейцев, опухших от голода. На его глазах ежедневно умирало по несколько человек от истощения».

Солдат финской армии Лайне Тойво (20-я бригада, 4-й батальон, 13-я рота, 4-й взвод) заявил о положении военнопленных в Финляндии следующее:

«15 декабря 1942 г. в лагере Кангасниеми я был очевидцем, как охрана натравила собаку на одного пленного. Собака истерзала на виду у охраны лицо и руки пленного до крови. Свидетелями происшедшего были, между прочим, Тойво Розенквист и Е. Невалайнен.

Начальник того же лагеря застрелил одного военнопленного. Обращение с пленными в лагере было жестоким. Я видел много случаев избиения военнопленных солдатами охраны. Подтвердить это могут Мюллюмяки, Арола и Рингбем, находившиеся вместе со мной в штрафной роте.

Во время моего заключения в тюрьме в Кеулиэ 1 июля 1941 г. недалеко от неё находился лагерь военнопленных. У пленных были отобраны сапоги, и они ходили на работу босые. Среди них было несколько раненых, и они не получали никакой медицинской помощи. Они выковыривали сами из своих ран осколки гранат. Это могут подтвердить многие финские военнопленные, например Мюллюмяки, Лонгрен, Лонг и др.»

Военнопленный перебежчик финский солдат Орво Олави Саариней из артилл. батареи Хирва заявил:

«Во время отпуска я навестил отца, который находился в запасной тюрьме Кэюллэ. Там есть и русские военнопленные, с которыми обращаются вопреки всем международным правилам. Я имел возможность несколько минут поговорить с отцом наедине, и он рассказал мне, что в тюрьме умерли с голоду 70 военнопленных. Военнопленные знают, что их ожидает голодная смерть, и бегут большими группами, несмотря на то, что они настолько слабы, что могут пройти лишь несколько сот метров. Лахтари охотятся за ними и расстреливают их».

Военнопленный кладовщик склада артиллерийских боеприпасов и инженерного имущества 8-й батареи 3-го дивизиона 14-го артполка 6-й пехотной дивизии финской армии, солдат Хуокуниэми Аарне Едвард, добровольно перешедший на сторону Красной Армии 11 июня 1944 г. в районе Салмитеки, показал:

«Осенью 1941 г. я видел в Салла большой лагерь для пленных красноармейцев. Пройдя мимо лагеря, я видел несколько групп пленных, которые стояли в стойке «смирно» под охраной часового. В виде наказания их заставили стоять в таком положении несколько часов.

На целлюлозной фабрике города Кеми работает много пленных красноармейцев на погрузке целлюлозы. Знакомые мне рабочие этого завода рассказывали, что пленные красноармейцы выпрашивали у них хлеб, меняли на хлеб кольца и другие предметы. В заводской бане, площадь которой 12×6 *м*, ночует несколько десятков пленных. Рассказывали, что они могут там отдыхать только в сидячем положении.

В марте 1944 г., когда я задержался на гауптвахте в Медвежьегорске, я видел там до 20 пленных красноар-

мейцев, которые работали с нами на окаривании брёвен. Я разговаривал с одним пленным, который говорил по-фински. Он рассказал, что недавно он нашёл где-то картофель и начал варить его. Какой-то финский прапорщик отнял у него картофель и ударил палкой 15 раз. Он долго болел».

Младший сержант Веса нен Алпо заявил:

«Я знаю один случай убийства пленного. Это имело место в средней Финляндии. Хозяин дома, где работал пленный, приехал в отпуск и застал обедающего пленного за одним столом вместе с другими членами семьи. Хозяин застрелил пленного из пистолета, при этом сказал, что пленные не должны обедать за общим столом, когда и он сам не имеет возможности этого делать».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников 7

О ЗЛОДЕЯНИЯХ ФИНСКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР . . . . . —

I. ФИНСКИЕ ПОГРОМЩИКИ РАЗРУШАЛИ НА ВРЕМЕННО ЗАХВАЧЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА И СЁЛА, ГРАБИЛИ МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ 19

II. ФИНСКО-ФАШИСТСКИЕ ЗАХВАТЧИКИ ОБЪЯВИЛИ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПЛЕННЫМИ И ИСТЯЗАЛИ ИХ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ 48

III. ФИНСКИЕ МЕРЗАВЦЫ ЗВЕРСКИ УБИВАЮТ РАНЕНЫХ ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ 78

IV. ИСТЯЗАНИЯ И ИСТРЕБЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФИНСКИХ ЛАГЕРЯХ 92

Под наблюдением редактора *Б. Биндер*
Подписано в печать 31 августа 1944 года
Тираж 20 000 экз. А11250. Заказ № 521. Объем 6½ п. л.
Цена 1 р. 25 к.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 25 к.